

18+

А Н Т И —
П О Д И У М

МОИ ИДЕАЛЬНЫЕ ЛЯПЫ

АЛЛА СТАРОСТИНА

Алла Старостина

Антиподиум. Мои идеальные ляпы

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62856823
ISBN 9785005157409*

Аннотация

Это истории из жизни 54-летней женщины, выросшей в СССР и не дающей себе покоя сейчас, при капитализме. История отдельной семьи, вплетённая в судьбу страны, приправленная советской идеологической мишурой. Всё это взглядом человека, который всегда пробовал на прочность стереотипы и попирает условности. Что из этого она берёт в новую реальность? И как она видит свои следующие годы – чтобы динамично меняющийся мир со свистом не пронёсся мимо неё?

Содержание

Введение, или жертва аборта	6
Разговор, положивший начало книге	13
Глава 1. Ляпы семьи моего детства	21
Глава 2. Ляпы красоты	63
Глава 3. Ляпы семьи – сознательный возраст	81
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Антиподиум. Мои идеальные ляпы

Алла Старостина

*Посвящаю эту книгу будущему, на которое
смотрю через призму своего прошлого.*

*Она о людях, событиях, ошибках – об опыте, без
которого не было бы меня.*

Наши ошибки делают нас нами!

© Алла Старостина, 2020

ISBN 978-5-0051-5740-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение, или жертва аборта

Терпеть не могу нудных введений, заключений и длинного списка формальных благодарностей... Люблю брать быка за рога! Поэтому обойдёмся без предисловий и начнём с фактов. С самого начала – я имею в виду начало меня. Про самый первый ляп – моего внепланового зарождения. А заодно и про второй. Насчёт него сложно сказать, что можно назвать ляпом: саму попытку избавления от меня или то, что эта попытка не увенчалась успехом?

Но давайте по порядку. На дворе 1965 год. Мама беременна мной, срок пока небольшой. Она замужем, но не так долго, как беременна. В общем я получилась по залёту! Подробностей этой истории не знаю – тогда такие вопросы не принято было обсуждать, но факт остаётся фактом: беременность не скрыть, надо как-то рассказать маме (моей бабушке).

Бабушка вообще неоднозначно относилась к замужеству дочери. Новоявленный зять не был зятем её мечты! С другой стороны, вы встречали зятя мечты для условной тёщи? Мне кажется, в природе такие экземпляры не водятся!

Как бы то ни было, она рисовала рядом с дочкой кого-то из интеллигентной – по выражению того времени – семьи. Родители избранника должны быть учёными, на худой конец, конструкторами... Папа мой – с виду настоящий интеллигент – не мог похвастаться родословной! Его отец без вести пропал в первые дни войны, а мать была простой женщиной и работала продавщицей. Даже под суд угодила за рас-

трату, но – вроде отвертелась – с запретом работать в торговле несколько лет.

Познакомила моих маму с папой философия – он преподавал у неё в первый свой год после окончания МГУ. Поженились, и он пришёл жить к ней – своей жилплощади у него не было. По всем статьям впал в зависимость от тёщи. Это называлось тогда «примак».

Бабушка узнала про беременность после свадьбы. Услышала и сразу подсчитала – математический склад ума... И своим коронным тоном выдала: «Идём делать аборт!» Она была начальником цеха, командовала не одним десятком мужиков, и в её арсенале был тон, услышав который невольно подчиняешься. Попроси таким тоном освободить территорию, и человек без раздумий самоликвидируется. В данном случае решено было ликвидировать меня.

Аргумент у неё был железобетонный: «Как соседям в глаза смотреть?» Соседи, как назло, тоже умели считать... В их глазах много лет создавалась идеальная картинка моей мамы, и бабушке было проще угробить потенциальную меня, чем разрушить этот идеальный образ.

С тех пор многое изменилось – поборники семейных устоев уже довольны, когда женщина выбирает в мужа мужчину, тем более если одного! Но и тогда, и сейчас – то, что скажут о тебе соседи, друзья, родственники – продолжает уродовать нашу жизнь!

Следующая сцена – абортарий. Там трое: моя бабушка

и мать с отцом. Пожилая опытная врач смотрит с недоумением: «Что же вы такое творите? Уже поздно что-то предпринимать! Вы её угробите, в лучшем случае у неё никогда не будет детей!» Бабушка умоляет её, предлагает деньги – только ликвидируйте плод!

Сказано – сделано. Мама деревянным шагом входит в специальный кабинет, и вот за ней уже закрывается дверь, её сажают в кресло, и моему существованию, вдруг оказавшемуся на волоске, сейчас придёт конец!

И тут вмешался папа. Он рванул на себя дверь и выпалил: «Через мой труп!» Получается, он дважды дал мне жизнь... Хотя до сих пор не пойму, как он вообще допустил тот поход в абортарий?

Впервые я услышала эту историю в мои 11. Тогда в проекте намечался брат, и мама второй раз столкнулась с той же проблемой: надо ставить в известность свою мать! Памятуя первый опыт, рассказала она ей об этом не сразу, а месяце на третьем-четвёртом, когда поздно обращать процесс вспять!

Всё пошло по сценарию 12-летней давности: бабушка заплакала и начала возводить железобетонные аргументы – почему нецелесообразно появление брата на свет! Правда, эту часть разговора я не слышала. Прибежала, когда мама в запале выкрикивала ту самую историю несостоявшегося избавления от меня! Я как раз только вернулась из пионерлагеря, где подружки просветили меня по вопросам механики дето-

рождения. Этих знаний вполне хватило, чтобы из деталей рассказа сложилась картинка. Я вдруг поняла, что моё появление на свет было нежелательным – это почему-то несколько не расстроило меня!

Надо сказать, со времён моего рождения до появления брата расклад глобальным образом изменился. Теперь на чужой территории жила бабушка – папа получил квартиру и взял её с собой. Да, квартирный вопрос – краеугольный камень... Кого-то он, как в известной поговорке, испортил, кого-то, может быть, даже закалил, но ясно одно: много судеб он переломал! Сколько молодых семей распалось от бескорыстной помощи живущих с ними родителей! Сколько пар остаются вместе только по причине общей жилплощади!

Когда я познакомилась со вторым мужем, то услышала похожую историю. Он должен был родиться, когда его маме было 44. Это был 1956 год – женщины, рожавшие за 40, были, мягко говоря, экзотикой! Опасения были – не «что соседи скажут», а сумеют ли уже немолодые родители поднять ещё одного ребёнка.

Словом, мы оба – жертвы аборта, что радует – несостоявшиеся! На мой взгляд, перебор для одной семьи! Обожаем шутить по этому поводу – такой статус многое извиняет и облегчает!

А в какой-то момент я поняла, что смотрю на жизнь и смерть немного отстранённо, не как другие... Не потому ли, что моё появление в этом мире было под вопросом?

Когда подружки жалуются, что «не складываются отношения с ребёнком», я всегда с недоумением отвечаю: «Да он должен быть благодарен, что ты его вообще родила!»

Оглядываясь на свою жизнь и вижу: из-за этой истории или нет, но точно прослеживается одна тенденция! Вроде всегда считала себя умным человеком, но всё главное пришло ко мне с какими-то ошибками, неутыками, случайностями и недоразумениями. А иногда и с трагедиями.

Вспоминаю мою любимую притчу:

К великому мудрецу приходит бедняк и говорит:

– Я дошёл до края, моим детям нечего есть! Помоги!

Мудрец спрашивает:

– 100 динаров (или какая там у них валюта) решат твои проблемы?

– Да, о великий мудрец!

– Тогда купи лотерейный билет и выиграй эту сумму!

– Но как я узнаю, какой билет покупать?

Мудрец что-то посчитал, прикинул и говорит:

– Номер 27!

Вскоре бедняк снова приходит, бросается к ногам великого мудреца и возносит хвалу до небес. И между делом спрашивает, как тот узнал номер выигрышного билета.

Мудрец отвечает:

– В тот день был апрель – четвёртый месяц в году, седьмое число. Четырежды семь – двадцать семь!

– Но, великий мудрец, четырежды семь – двадцать во-

семь!

– Глупец, ты выиграл, да ещё и недоволен...

Вот так и в жизни...

Когда я зашла в Инстаграм (мой аккаунт @alla_fashionage), то вдруг поняла: наши с вами страхи и заморочки удивительно похожи – как близнецы! Мы все ходим по одним граблям – а кто-то из нас уже расшиб себе лоб и нашёл выход! Переступил через эти грабли и знает – куда и как дальше идти!

Только вот рассказать об этих ошибках решается не каждый... А у меня в какой-то момент прямо щёлкнуло: я должна поделиться своими ляпами! Показать, что ошибаться не страшно, что мир может быть разным – и завтра наша самая ужасная ошибка оборачивается самым большим достижением!

В этой книге – истории из моей жизни – есть смешные, а есть печальные и даже трагические. Название каждой главы – это «ляпы».

Жизнь вообще калейдоскоп ляпов – весь секрет в их сочетаниях! А также в умении рассмотреть их красоту.

Разговор, положивший начало книге

Мы с дочкой всегда много разговариваем – часами – обо всём подряд. О том, как рушится сегодня наше прошлое и как мы будем строить новое будущее. Сегодня все слова про будущее – как обоюдоострая бритва: страшно и больно, но в глубине души каждый уверен: попытки заякориться в прошлом обречены на провал!

Разговариваем часами, но, странно, почему-то больше обо мне. Свои проблемы она обычно замалчивает – такой своеобразный мазохизм... Это во многом моя вина, но её ответственность.

Она пришла – усталая. Вижу, что её накрыла апатия, но она скрывает. Больше от себя, чем от меня.

Опять встаёт в три-четыре часа ночи, опять заедает по утрам – потом сутками голодает. Потом тренировки, тренировки, тренировки. Балахоны. В шкафу висят крутые вещи, а она носит свои комплексы...

Мы честны друг другом – всегда. Обе сыты приторными ценностями, глянцевыми обложками и вылизанностью инстаграм-постов.

А сегодня её как будто прорвало...

Влада:

Я как будто дышу углекислым газом! Мы обсуждаем глобальные проблемы реальных людей – жестокость, домашнее насилие... Всё это важно, интересно и трогает – при этом

моя жизнь выглядит здоровой и счастливой – как бы и вроде бы так.

Но кому интересен серый человек из реальной жизни? Человек, который о чём-то мечтал, впахивал – не всегда по делу, падал, поднимался, потом снова и снова падал, потом снова впахивал... Кому интересен человек, домашняя жизнь которого похожа на заезженную пластинку? А нас таких 90%!

Да, меня не бьёт муж, и наш брак со стороны – как картинка. Но он иногда повышает голос – а это для меня как пощёчина! И давит на меня время от времени. Нет, он не жесток и не хочет сделать мне больно! Просто у него свой багаж проблем, который он не всегда вывозит, – и часть этих проблем ассоциируется со мной!

При этом у меня вроде бы всё есть – семья, отличное образование... Но дело моей жизни горит огнём, и страшно начать сначала. Но я должна – самой себе, моей дочери...

При всем этом я ощущаю жизнь как она есть. Со всеми акцентами, деталями и грязными красками. Я умею отряхиваться. В проблемах, как и в «уродстве», есть своя красота и тяга к будущему.

А как это было у тебя?

Я:

Когда твой папа разбился в автокатастрофе, опоры под моими ногами было – поверь – ещё меньше! Но я хотела

стать успешной – назло – сейчас уже плохо помню кому! Доказать всему миру, что одна смогу лучше, чем с ним! Ведь он каждый день талдычил мне, что без него я – никто, что знаю жизнь по его рассказам... И знаешь что я заметила? Вот ты живёшь в ощущении «полной задницы», а когда всё начинает налаживаться – этого момента обычно не замечаешь... Только когда опять наступает очередной треш – оглядываешься назад, – а оказывается, за спиной не такая уж и чёрная полоса... Или когда сомневаешься в чём-то и твою мысль потихоньку прибывает к какому-то берегу... Ты внутри себя уже сделала свой выбор, только сама об этом ещё не подозреваешь, хотя тело твоё уже делает первые шаги в эту сторону... Как с этим моим проектом в Инстаграме.

Кстати ты вообще в курсе, что я начала его из-за тебя? Ты тогда настолько прожужжала мне уши, что я такая уникальная и что все должны об этом знать, что я почти поверила.

В.:

Насчёт «уникальная» – это я подтверждаю! И, что странно, ты у меня никогда не ассоциировалась с родителем! И я никогда не знала, сколько тебе лет!

Я:

Ну насчёт «не знала» – мне кажется, ты лукавишь! Когда моя цифра возраста эпизодически всплывала – делали зарубежные визы или как-то ещё, – она тебя как будто травмиро-

вала – это всё равно что вдруг столкнуться лоб в лоб с непреложным фактом, что твоя подружка на четверть века старше тебя! И вообще, у нас в семье какое-то странное отношение к возрасту и к поколениям! Начать с того, что ты зовёшь меня не «мама», а «мелкий»!

В.:

Ты мне казалась дико современной – прямо трендсеттером всего – особенно моды! И вообще идеалом – мой такой личный Иисус... И была правда моей лучшей подружкой – да и с моими подружками была всегда на одной волне! А помнишь, с ними и с тобой ходили в ночной клуб – танцевали сальсу? И ещё на ночной показ рекламных роликов...

Я:

Да, что-то такое припоминаю... Кстати, за что тебе отдельное спасибо, – что такое моё помещение на пьедестал не заставляло меня «держат спинку» и быть идеальной!

В.:

Расслабься – у тебя бы по-любому не получилось...

И я хотела показать другим, что с мамами вот так можно – болтать до глубокой ночи, дурачиться, танцевать сальсу, составлять сумасшедшие луки...

Я:

Вот только насчёт того, что я сама открыла свой Инстаграм – это как посмотреть... Помню, ты разместила первый пост в моей ленте – было утро субботы, – позвонила мне тогда и сказала: «У кого-то вышел первый пост»! Кстати, не ты ли сама его и писала? Я тогда, помню, была в шоке – подружки стали забрасывать комментами, ставить смайлики и разные эмодзи. А я не знала, как отвечать. Думала, что в Инстаграме есть какая-то особая этика – в каких случаях ставится какой эмодзи, – как в деловой переписке... Звонила тебе – советовалась по каждому комментарию...

В.:

А ты понимаешь, что отношение к возрасту у тебя нетипичное?

Я:

Когда сижу дома или разговариваю с тобой – ну или с кем-то из мужчин, включая дядю Лёшу, – нет, не понимаю. А вот в разговоре с ровесницами – да, разница чувствуется! Все почему-то хотят выглядеть моложе! Лучше комплимента не придумаешь, как сказать: «Ой, тебе 50? А я думала – 40!» Люди просто летают от этого потом целый день! Прямой путь к сердцу любой особы женского пола! Пользовалась бы, если бы не была таким унылым правдорубом...

В.:

Да, с притворством у тебя, конечно, глобальный напряг... Но режешь ты свою правду-матку не многим, потому что человек ты сама по себе закрытый! Если не знать тебя близко – твоя жизнь со стороны выглядит как картинка! А сейчас всем уже наскучили эти отретушированные картинки – смотришь на них, и чувствуешь себя каким-то лузером... Важно знать, что люди вокруг живые – как и ты – дышат, тупят, питаются не бабочками и ходят в туалет не розочками...

Я:

Поняла, на что ты намекаешь! Тогда дядя Лёша приехал после командировки – а мне подарили цветы. Сам букет я успела выкинуть, воду вылила в унитаз – а в неё обломилась маленькая розочка... Вот он и смеялся, что я питалась без него, наверное, пылью единорогов. Ну и ревновал, конечно...

В.:

Думаю, по концентрации косяков и ляпов – ты тоже эталон и достойна пьедестала... Только в свете этого твой заход и глянцевоый мир Инстаграма – спорный шаг... Хотя ты во всём неформат – плевать хотела на его глянцевоость!

Потом вечером мы с ней хором смотрели «Конец Тура» – фильм, который, в общем-то, плохо кончился – суицидом. И который не взорвал прокат, но отпечатался больше тех, громких и номинированных...

А утром я начала писать эту книгу. Решила начать со своих корней – с далёкого детства, и продолжить красотой. Ведь говорят, что именно она спасёт этот мир, если от него что-нибудь останется...

Глава 1. Ляпы семьи моего детства

Барби и Кен

Посмотрела на молодое фото моих родителей, и пришла мысль: это эталонная пара тех лет, Барби и Кен середины 60-х!

Мама была красавицей – невысокого роста и с точёной фигурой. Особенно очевидно это становилось на пляже – сразу очерчивались рёбра, но там она на автомате втягивала живот.

Мама укладывала свои светлые волосы, обесцвеченные гидроперитом и оттенённые вываренной луковой шелухой, в красивую сложную халу. Это сооружение занимало у неё четыре с половиной минуты – я засекала – десятилетия практики давали свои плоды! Правда, перед этим она почти каждую ночь спала на бигуди...

Её глаза украшали стрелки – самые ровные стрелки в мире! Она рисовала их цанговым карандашом, который, скорее всего, принесла со своей инженерной работы. Другим грифелем этого же карандаша она наводила лёгкие синие тени, а третьим – бордовым – красила губы. Её косметичка состояла из этого цангового карандаша с картонной коробочкой стержней и ещё одной картонной коробочки – ленинградской тушью со щёточкой. Теперь, когда я захожу в Л, Этуаль и вижу ряды косметических арсеналов, вспоминаю косметичку мамы – по факту целлофановый пакетик с этими

двумя коробочками. И удивляюсь – какая она при этом была красивая...

Одевалась она модно, потому что шила. Насмотренность, о которой я не устаю твердить, была у неё уже в те дремучие с точки зрения стиля годы. Везде в доме лежали журналы мод – Московского Дома моды и рижские – считай Европа.

Папа был вылитым Кеном со взглядом мудреца. Высокий, прямой и идеально стройный, длинноногий и тонкокостный. У него был аристократический профиль – тонкий нос с лёгкой горбинкой. С годами отец стал похож на старшего графа Болконского – сейчас так просто не найдёшь таких лиц! Носил всегда светлую (часто белую) рубашку, тёмный (часто чёрный) костюм – всё это было идеально выглажено – и галстук. Без галстука он не покидал пределов дома. В последние годы жизни он частенько помогал нам на складе – грузил ткани, – так вот ни на одну разгрузку он не пришёл без галстука! Интеллигенция тех лет...

У него были слегка вьющиеся волосы, но после сорока он начал понемногу их терять. Я прямо до физической боли переживала эту неидеальность, но виду не подавала! Наверняка переживал и он. Но у нас в семье не принято было показывать чувства.

Когда мама с папой приходили в гости, все говорили: «Какая красивая гармоничная пара!» К такой паре предполагалась пара маленьких ангелочков – детей. Мы с братом, на мой взгляд, в эту картинку совсем не монтировались! Ин-

тересно было бы узнать, думали ли что-нибудь на этот счёт родители? Мне кажется, они были достойны детей покрасивее...

Я себе явно не нравилась – квадратная челюсть, широкие плечи... Волосы свои волосами вообще не считала! Брату с внешностью повезло, на мой взгляд, больше. Он всегда был похож на Брэда Питта – добавить бы ещё сотую долю его мышц! Но на свой внешний вид ему всегда было откровенно плевать! Десятилетиями он не вылезает из растянутых джинсов и комфортного худи, в который обязательно добавлена хоть капля оранжевого – его любимый цвет! А свои густые волосы – предмет моей зависти – он зимой и летом прячет под бейсболкой. И всё это при том, что он чувствует форму и цвет лучше меня и виртуозно владеет компьютерным дизайном! Смотришь на него и начинаешь понимать арт-директоров модных домов, которые, закрывая показ своей коллекции, выходят на подиум в чёрном нечто...

Да, кастинг картинных херувимов нам с ним точно никогда не пройти!

Магазины моего детства

Свой трепет перед магазинами помню с детства. Я жила на безлюдной улочке с частными домиками – до ближайшего продуктового от нас было три квартала, и то не по прямой! Я ходила туда редко – непременно за руку с кем-то из взрос-

лых. Для меня это был центр мироздания, а поход туда – это был мой выход в свет! На полках стояли красивые банки и коробки, толпились люди, касса отстукивала чеки... Конусы с разноцветным соком стояли справа от продавщицы. Я обычно выпрашивала томатный и в налитом стакане разбалтывала ложечкой соль. Соли я всегда перебарщивала – наверное от жадности, так что под конец пить было уже невозможно – но я пила...

А ближе к рынку, кварталах в двух от нас, стояла палатка с мороженым. Это было вожаденное место, и вожаденным оно было, как оказалось, не только для меня. Мама – а она выросла в этом же доме – как-то обмолвилась, что её самой заветной детской мечтой было перенести эту палатку прямо к дому. Там продавались стаканчики молочного и сливочного мороженого, реже брикеты – всё это стоило копеек 10—12. Ещё большей роскошью был хрустящий посыпанный вафельной крошкой рожок – его цена была 15. А если уж совсем раскошелиться или если сэкономишь за пару дней на обедах – после школы можно было купить пирожное-мороженое – аж за 28 копеек – эскимо, посыпанное орехами... Всё это казалось таким невероятно вкусным... Страшно представить: а что если попробовать всё это сейчас? Вдруг это просто миф, который будет развенчан? Вдруг окажется, что мороженое было просто стандартным мороженым, ничего особенного?

А в первом классе я заболела канцтоварами – вот реально

заболела! Отдел канцтоваров Детского мира стал для меня волшебным лабиринтом, полным диковинных вещей. Разноцветные карандаши, разлинованные тетради разной толщины, ластики со слонем... Всё это нехитрое советское разнообразие – это был для меня сказочный мир!

Следующим моим этапом была изостудия – меня отвели туда в конце первого класса. Она располагалась в здании Городского дворца пионеров, гулком, холодном и неудобном. Учительница сказала купить краски – акварель и гуашь – и колонковые кисточки.

Мама объяснила мне, что колонок – это такая почти белка. Что кисточки из неё – это очень круто! Мне, конечно, жалко было белочку – что у неё выдёргивают волоски, но желание рисовать крутыми кисточками, конечно, победило!

С гуашью проблем не возникло – она продавалась в любых канцтоварах. А вот с хорошей акварелью дело было в разы сложнее. Самую обычную – в ёмкостях-ванночках – можно было купить где угодно, но раз я теперь была художником, то нужна была самая лучшая – которую выдавливали на палитру из тюбиков. Такая называлась «Нева» и продавалась только в одном магазине – где-то в овраге на краю города. Это был специальный художественный магазин, и до него доезжали только те, кто был правда увлечён рисованием.

Когда мы туда приехали, мне открылся целый мир! Огромные коробки разноцветной пастели, темпера, сангина, громоздкие мольберты – большие и поменьше... Одних ки-

сточек был целый арсенал – от самых малюсеньких до огромных – в два пальца толщиной! Сколько раз потом я выпрашивала у мамы – разрешения и денег – хотя бы копеек пятьдесят, – чтобы опять приехать сюда! Тряслась в троллейбусе – замирала в радостном предвкушении, а когда приезжала, иногда покупала ценную для меня мелочь, а чаще просто стояла и глазела на витрину, представляя себя великим художником...

А классе в пятом я была у подруги, и мне попалась на глаза книжка по кулинарии. В ней подробно рассказывалось, как печь сложные торты и пирожные – и всё это было на аппетитных цветных фото. Я выпросила это богатство на недельку и стала читать.

Дома эта моя новая тема как-то не нашла поддержки... Увлечение готовкой у нас и так считалось мещанством, а такой сложной и «продуктоёмкой» – вообще квалифицировалось как разврат! На первую же мою просьбу выделить мне немного муки, сахара и пару яиц я получила ответ «ничего продукты переводить» и сразу охладела к этой теме... Ещё несколько дней листала ту красивую книгу с глянцевыми фото, но и её потом отдала...

Так и не знаю до сих пор, в каком отделе продаётся желатин и ванилин, – видно, не судьба...

Брат родился!

Мне тогда было 12.

Когда мама делала первую подводку к этой теме, то вообще-то обещала девочку, но по ходу дела концепция изменилась...

Видно, гендерная диагностика была тогда не очень, если вообще была...

Я решила серьёзно поговорить с мамой, что не согласна на такую замену. Моим главным аргументом было то, что мальчик может быть алкоголиком (с девочкой я почему-то такого варианта не мыслила). Мама, конечно, выслушала меня и даже пыталась переубедить. Но из этого разговора я поняла, что она и сама не в восторге от нового расклада, но изменить обратно ничего не может.

Мне 12, Ярославу несколько месяцев.

Насколько помню – он всё время орал...

Это был первый момент в жизни, когда я поняла: что-то может быть моей маме неподвластно! До этого я считала, что она без вариантов рулит жизнью!

Через десятки лет она не раз спрашивала меня:

– Ну что, хорошо, что я тебе брата родила?

– Не алкоголик ведь, смотри, – а ты говорила...

Да, видно мои слова запали ей в душу...

Моя мама, как и я, была человеком железного целеполагания. И в тот момент поставила перед собой сверхзадачу – ни много ни мало – победить природу! А именно: родить не в декабре, как предрекали врачи, а уже в следующем году! Это было связано с датами призыва гипотетического брата в гипотетическую армию. Не знаю, природа ли сама решила скорректировать свои планы под напором мамы, мама ли послала особый запрос в космос, а может быть, специально терпела, – но она дома встретила Новый год, послушала бой курантов, посмотрела «Иронию судьбы» и поехала с отцом в роддом и в этот же день родила. А через несколько дней папа привёз её уже со свёртком.

Этот орущий комочек назвали пафосным именем Ярослав (у нас в семье не дают банальных имён).

Для меня это было спорное приобретение – комочек орал по ночам и не давал спать, да и дневное внимание мамы за-

бирал полностью...

Правда, когда подруга, которая завидовала мне, срочно завела в ответ собаку, я подумала: а может быть, в этом орущем создании действительно была какая-то ценность? То, что она завидовала, я знала со слов родителей – в таких вещах в том возрасте я ещё не разбиралась, но родителям верила!

Я была не мелкая. Врач из детской консультации принял меня, согнувшуюся над детской кроваткой, за молодую мамашу. Я в один день перешла из детей в разряд взрослых.

Мой дядя – он был мегаумный – до рождения Ярослава звал меня «главный человек», а с того 1 января имя сменилось на «бывшего главного человека». Это сейчас я понимаю – мегаумным дядя был в чём угодно, только не в вопросах воспитания. Потому что нельзя ребёнка, а тем более девочку-подростка, так называть.

С продуктами тогда была напряжёнка. Да и вообще тема питания у нас в семье была не в приоритете. Но иногда по случаю обламывался, например, килограмм бананов. Или апельсинов. И знаете, как распределялся этот килограмм между членами семьи? 100% брату. Ну а всё, что останется, – другим! В общем, вы поняли...

Я, кстати, никогда не обижалась. Ведь это была не его инициатива – съесть весь тот килограмм! Был тогда советский лозунг: всё лучшее – детям! Что делать – я уже не попадала в эту категорию...

Знакомство с дедом

Мой дед был еврей. Я познакомилась с ним в день своего 18-летия. По странному стечению обстоятельств дни нашего с ним рождения совпадали. Хотя у меня не было никакого желания делиться своим днём рождения с человеком, который не особенно интересовался моим существованием до 18 лет... Этот день приходился на 28 декабря – самый канун Нового года.

Как бы то ни было – в тот день ему было 70, мне – 18, и я приехала из Тулы в ресторан «Арбат» на его юбилей. Долго перед этим готовилась, завивала волосы, неумело красилась, смывала и снова красилась... Самым лучшим моим платьем было выпускное – в нём и поехала на этот торжественный приём!

Вечерняя предновогодняя Москва меня как-то смяла и сбила с ног! Я была в ней до этого несколько раз, но никогда она не была такой нагло-нарядной!

Дед и бабушка в молодости

Земной шарик сиял и крутился над входом в заведение, Арбатское пятикнижие сверкало в темноте как правильные ледяные глыбы, повсюду были гирлянды, ёлки... До Нового года оставалось три дня – Москва гудела в ожидании боя курантов...

А в ресторане бокалы звенели уже в этот вечер... Это была пафосная тусовка – правда, тогда я этого ещё не понимала! Дед оказался невысокого роста – он был чем-то похож на актёра Михаила Глузского с волосами как каракуль – тугой завиток с сильной проседью... Мама представила нас, мы сели за стол, начались тосты и речи.

Все говорили красивые слова – каким выдающимся учёным был мой дед, сколько сделал он для науки... Там были министры, академики, иностранцы – для меня это был тогда пустой звук...

Когда я пошла в туалет, перед зеркалом стояли удивительно красивые женщины – ярко накрашенные, в модных платьях, с необычными причёсками, покрытыми непробиваемой коркой блестящего лака... Розовые полоски румян, густо накрашенные ресницы – всё это было так ново и волнующе для меня...

Они смотрели оценивающе на моё выпускное платье и еле заметно усмехались. Почему они так врезались в память и раскрасили неоновыми красками впечатление этого и без

того яркого дня?

О существовании такой профессии – ночная бабочка – я тогда ещё не слышала...

Ирина Николаевна

Дед с бабушкой расстались в войну. Накануне родилась моя мама – за две недели до печально известного 22 июня, и у бабули был выбор – ехать с семьёй сестры в эвакуацию на Урал или оставаться с мужем в ожидавшей оккупантов Москве. Она выбрала эвакуацию – там было кому помочь с ребёнком. Понимаю её выбор: маленький ребёнок для меня – неподъёмный комок проблем! Легче на Урале эвакуированный завод своими руками развернуть!

А дед в Москве загулял. И до бабушки это долетело. Она, как приехала из эвакуации, – сразу рванула подавать на развод. Он пытался её уговорить, просил прощения, но с ней это было бесполезно – она если упрётся, то с концами... Я как-то задумалась – хорошо, что жизнь не набралась наглости протащить меня через такие испытания! Хотя результат эксперимента был бы предсказуемо таким же!

Дед тогда женился на своей пассии. Её звали Ира (для меня Ирина Николаевна). Она была из подмосковной Балашихи, лет на 12 моложе него и поразительно походила на артистку Людмилу Целиковскую – молодые фото было просто не отличить!

В вечер знакомства с дедом отношение к нему и к идее впустить этого человека в свою жизнь у меня было скептическое. К предателям я отношусь однозначно – он в эту категорию явно вписывался... Но его жена взяла меня в оборот – стремительно и бесповоротно! Констатировала факт, что эти зимние каникулы я провожу у них. Не подчиниться было невозможно!

Она встретила меня у электрички и привезла домой. Это была квартира на Академической – минутах в пяти ходьбы от метро. Почти каждый вечер был распланирован – концерты, спектакли, показы мод... Днём были выставки и, конечно, магазины – даже в них она меня поначалу не отпускала одну!

Вечерами, после спектаклей, когда мы возвращались в квартиру, дед уже спал. Ложился он рано – потому что вставал в шесть часов утра, гулял с собакой и потом ехал в свой институт в Мытищи.

Мы с Ириной Николаевной до глубокой ночи сидели на кухне и разговаривали – про моих родителей, про деда, про их и нашу жизнь все эти годы... Она была, в отличие от моей бабушки, очень весёлая и какая-то лёгкая, хотя, наверное, немного поверхностная... Ни дня в жизни не работала, но хозяйство держала идеально! Я тогда ещё подумала: мне с ней интереснее и проще, чем с бабулей... И ещё подумала: наверное, такие мысли – это предательство... Но эта женщина была такая классная – а в молодости ещё и краси-

вая! Я бы на месте деда тоже выбрала её! С тех пор смотрю на брошенных женщин и нередко понимаю ушедших от них мужчин...

Три года – три первых курса – я тусовалась у них на зимних каникулах. Как всегда, на каждый день моего визита у нее был «туз в рукаве» – добытый не без трудов заветный билет!

На четвёртом курсе я вышла замуж.

Дед не дожил несколько месяцев до 80-летнего юбилея и до последнего дня работал. Однажды утром он пошёл, как всегда, гулять с собакой, и его сбила машина – и умчалась в неизвестном направлении...

Потом я часто заезжала к ней – останавливалась, когда ночевала в Москве. Мы тоже подолгу разговаривали... Она вся была в прошлом – мыслями, словами...

Прожила она без него недолго – два года – очень тосковала...

Закат деловой женщины

Я не первая такая «деловая» в нашем роду по женской линии. Бабушка Лида, мамина мама, точно дала бы мне фору! Она была единственной женщиной – начальником цеха в Туле – верховодила не одним десятком здоровых мужиков в рабочих комбинезонах с руками по локоть в смазке. И это при хрупком сложении и росте 1,56!

Я пару раз заходила к ней в цех. Руки сами тянулись заткнуть уши – всё безумно гремело, свистело и молотило. Для меня это был маленький ад, для неё – родная стихия!

В 61 она ушла на пенсию – или сама устала, или начальство попросило... В семье тогда об этом говорили как об избавлении.

Два дня бабушка просидела дома, а на третий деятельная натура затребовала новых подвигов!

В те годы царил дефицит, но кое-где кое-что «выбрасывали». Она была бы не она, если бы моментально не сориентировалась – где и что! Договаривалась с подругами, писалась в очередях, часами ждала на морозе – когда подвезут, когда разгрузят, когда дойдёт заветная очередь... Ей, по сути, было всё равно – что брать, тем более в категорию дефицита тогда попадало всё подряд.

Так в нашем серванте оказался чешский столовый сервиз. Он был настолько неподъёмным и многопредметным, что из магазина его тащили трое – бабушка, папа и мама. Так появилась «Мадонна» – сервиз чайный, тяжеленные коробки мельхиоровых столовых приборов, какое-то золотое кольцо и серёжки, может быть что-то ещё...

Сейчас я понимаю: это был инвестиционный проект! Она, влекомая великой миссией – обеспечить семью и вложить заработанные деньги – горела этой идеей почти год!

В те месяцы бабу Лиду переполнял драйв. Она буквально вертелась на одной ноге, а вечером яростно спорила с соб-

ственным зятем о политике – доказывала, аргументировала, разбивала в пух и прах! А потом что-то кончилось – то ли её деньги, то ли полки в серванте, то ли сервизы в магазинах – дефицит шёл по нарастающей...

С этого момента начался настоящий кошмар – и продолжался четверть века. Появились жалобы на здоровье, чего раньше никогда не случалось. За этим последовали десятилетия исследований и больниц, но никто так и не выяснил природу этого загадочного недуга. Помню, рефреном звучало «отнимается левая часть головы», «что-то постоянно звенит». Может быть это был фантом родного гремящего цеха, может быть реальная болезнь или, как сейчас говорят, психосоматика, но не исключаю версию – что просто способ привлечь наше внимание.

С тех пор жизнь семьи крутилась вокруг бабушки. Мы не ездили отдыхать – на кого её оставишь? Мама ни дня не могла спокойно пойти на работу – каждое утро бабушка вздыхала: «Не знаю, стоит ли тебе идти – чувствую, что сегодня умру»...

В один из таких дней «неблагодарная дочь» понуро брела в свой НИИ. Той же дорогой ходил подтянутый пожилой мужчина. Он давно хотел подойти к ней, но стеснялся. В тот день на её лице была такая вселенская скорбь, что он, наконец, решился. Подошёл и спросил: «Что Вы такая невесёлая?», и она рассказала свою историю...

Мужчина оказался известным врачом. Уже через день он

осматривал бабушку.

– Ну что? – с замиранием сердца спросила мама.

– Заботьтесь получше о своём здоровье – чтобы она вас всех не пережила, – таков был его вердикт.

Это легко сказать – четверть века! Посчитайте – сколько в этих годах месяцев, дней, часов! Когда бабушка ушла на пенсию, я ходила в детский сад, когда она умерла – я уже рулила компанией. Ей было тогда 86. Она вдруг решила, что хватит торчать на этом свете – сначала перестала есть, потом пить, и недели через три угасла... Нам всем казалось – если бы не этот добровольный отказ, прожила бы ещё четверть века.

После похорон мама с горечью процедила: «Когда помру – сожгите меня! Не хочу лежать в одной земле со своей матерью – она меня уже на этом свете задолбала!»

Через 7 лет мне тоже 61. Примеряю на себя бабушкину историю и понимаю: посадить её, полную сил, с богатейшим опытом – доживать жизнь, проживать пенсию – было жестоко к ней и расточительно для других. Сколько гор она ещё могла бы свернуть? Теперь никто не узнает...

И главное, в чём я уверена: если бы она продолжала сворачивать горы, не было бы ни той странной болезни, ни вязкой атмосферы безысходности, висевшей над семьёй два с половиной десятилетия...

В любой ситуации, в любом возрасте – нами движет смысл! Делайте с нами что угодно, но не забирайте у нас его!

Таинственная субстанция

Я всегда уважала и побаивалась эту странную субстанцию – деньги! Даже не так – я была у неё на крючке!

Сколько себя помню – с самого раннего детства, – наша семья решала квест: как потратить на себя минимум и при этом выглядеть достойно – особенно в чужих глазах! Такая оптимизационно-минимизационная задачка с парой десятков неизвестных и совершенно неопределёнными входными условиями.

У вас наверняка вопрос: что же было на выходе? Удивлю вас, но – денежная масса, которая не сильно отличалась от входящего потока. То есть: имеем на входе зарплаты членов семьи, тратим на жизнь, в итоге остаётся немногим меньше, чем было на входе! Мне иногда казалось, что оставалось даже больше, но, скорее всего, это была иллюзия – по закону сохранения в этом случае что-то не сходилось...

Хотя, когда лет 10—12 назад (тогда родители были ещё живы) они вручили нам с братом по конверту, у меня глаза вылезли из орбит! При их небольших зарплатах и пенсиях, чтобы собрать столько, нужно было не есть и не пить! Мы пожурили их, конечно, но отвертеться от денег не получилось...

Иначе говоря, наша семья экономила – всегда и на всём. Но в своей экономии ещё и жёстко расставляла приоритеты.

Первым «под нож» попадало питание. Это была самая неуважаемая статья расходов. Она расценивалась как смыв денег в унитаз, чем по факту и являлась – если строго мыслить.

В советских магазинах с провизией и так было негусто, но даже некоторые из свободно стоявших на полупустых полках совсем не дефицитных продуктов попадали у нас в категорию роскоши. Например, пельмени «хлеб с хлебом» мы позволяли себе далеко не каждый день!

В этом были свои преимущества. Прежде всего – экономия времени. Мы не тратили его в дурацких очередях за едой, не ездили в Москву на «колбасной электричке» – спокойно питались себе суповыми наборами, макаронами и картошкой.

И потом – наша семья заранее объявила своё неучастие на ярмарке тщеславия под названием «пригласить гостей и накрыть достойный стол». Потому что вот это был в те годы реальный квест! Надо было умудриться достать море продуктов – часто с незнакомыми названиями. Мало того что достать каждый из них было отдельным подвигом – нужно было умудриться сделать так, чтобы все эти подвиги волшебным образом сошлись в один момент! Вероятность чего по теории вероятности стремилась к нулю.

Но у мамы на сей счёт было своё алиби. Весь этот в подвигах добытый арсенал всё равно пропал бы даром: так паршиво, как она, из известных мне людей не готовил никто! При-

чём всё семейство, включая меня, считало это семейной доблестью – плохо готовить! Учитывая то, что мама была исключительно талантлива буквально во всём – а это уже не шутка, – я понимала: захотела она школу с медалью и институт с красным дипломом – будет медаль и диплом! Захотела обшивать всю семью по последней моде практически из ничего – нет проблем! Поставила себе цель плохо готовить – кормёжка будет исключительной по своей отстойности! У нас даже присказка такая была: «Хуже приготовишь – меньше съешь – стройнее будешь!» Ну вы понимаете – с лишним весом проблем у нас особо не было, потому что не с чего...

Кстати, этот «кулинарный талант» в полной мере передался мне по наследству.

А вот ко всему тому, в чём был элемент дизайна, мы относились гораздо серьёзнее! Сюда входила одежда и интерьер. Дело облегчалось собственноручным пошивом и ремонтом – родители отличались исключительным трудолюбием и делали всё профессионально!

Так что эстетические и духовные ценности били хлеб насущный с разгромным счётом!

В целом хочу сказать, что это замечательная вещь! Ты сразу уводишь себя из этой плоскости сравнения по доходам – и становишься как бы выше этого! К тому же информация тогда почти ничего не стоила: книжки можно было взять в библиотеке или прочесть в читальном зале, что я частенько и делала. Учёба была бесплатная и зависела от моих

талантов. О них я имела совершенно не скромное, но часто обоснованное представление.

Оглядываюсь назад и думаю: как мне всё это видится сегодня?

То достаточно жёсткое время генерило особую породу людей – с железной волей, минимальными запросами и дефицитной психологией. Ограничить и сэкономить для них было гораздо большей доблестью, чем потратить и получить удовольствие.

Потом начались 90-е, и все те сэкономленные деньги сгорели – в сбербанке или где-то ещё... И только сейчас я понимаю: экономить – это был менталитет! Это было легче, чем позволять себе что-то и наслаждаться жизнью, потому что наслаждаться – категория совсем не советская!

Мой дядя как-то сказал: «Зарабатывать деньги можно научиться за год, тратить – надо учиться поколениями».

Жалею ли я о том, что воспитывалась в таких стандартах?

Ничуть! Могу легко прожить на три копейки и ни на минуту не почувствую себя обделённой!

Свободна ли я сама от дефицитного мышления?

Конечно нет! Вы многого от меня хотите...

Потреблять я так и не научилась – разве что ту же одежду... Но худо-бедно наладила отношение с этой странной субстанцией «деньги» и отвела им в своей жизни две роли.

Первая и главная – роль оценки в школе. Сравниваю себя сегодняшнюю с собой вчерашней по вполне измеримому

показателю – финансовому. Такое соцсоревнование внутри себя самой отлично стимулирует!

И вторая – деньги, конечно, – это степень свободы – говорить что думаешь и делать что нравится. А также – что еда ли не важнее – не водиться, с кем не хочешь, и не прогибаться под этот изменчивый мир, как в песне поётся, – а попробовать самой прогнуть его в особо важных для меня местах.

Иногда получается!

Мой дядя

Обычно в детстве есть ещё кто-то, кроме родителей, кто влияет на нашу жизнь.

У меня это был дядя. Его звали Валера, как и большинство мужчин тех лет. Или мне так казалось – потому что так звали моего отца и двух дядей из трёх. Все они родились во времена подвига Чкалова, и, конечно, на это имя был аншлаг!

Его отец, муж бабушкиной сестры, был видным конструктором автоматического оружия из плеяды тульских конструкторов-самородков Стечкина, Березина, Макарова (пистолет последнего у всех на слуху). В 30-х к нему приезжал Тухачевский, позже он водил дружбу с маршалом обороны Устиновым. Оборонным спецам в те годы государство предоставляло «режим наибольшего благоприятства»

ния» – дефицитные продукты, отдых на юге, полнометражная сталинка-трёшка в центре для семьи из трёх человек. Во времена коммуналок это была невиданная роскошь!

Сам мой дядя тоже пошёл по стезе отца, но оружия не создавал – преподавал в институте. Зато в искусстве *Vivre la vita* превзошёл своего родителя многократно! Модные костюмы, элитные хобби (филателия, нумизматика), машина – опять же отцовская... И нереальный вкус к жизни! Типичный представитель «золотой молодёжи» 60-х – 70-х!

Флешбэки из детства

Дядя показывает мне свою коллекцию монет. Рассказывает о каждой – я слушаю, раскрыв рот.

Мы с ним открываем кляссер – мне особенно нравились марки с конями. Он знает всё о породах, как образуются лошадиные имена... На конезавод под Тулой он тоже меня возил и рассказывал – безумно интересно!

Он первым из нашей большой семьи купил магнитофон. Записал мне поздравление с днём рождения и запустил на быстрой скорости – сказал, что приезжал Буратино, меня не застал, но поздравление оставил.

Дядя умел видеть меня через стенку – я стояла в одной комнате, он в другой. И он угадывал – когда я опустила руку, а когда подняла ногу. Скорее всего, они там мухлевали с моей мамой, но никто теперь не узнает – я единственный живой свидетель этой истории...

А один раз он сказал: «Я умею становиться человеком невидимкой! Хочешь стану?» Он ещё спрашивал – кто же откажется! Правда, он тогда долго водил меня за нос – то самочувствие у него не очень, то луна не в той фазе... В общем, всё моё детство прошло в ожидании человека-невидимки, о чём, если честно, совсем не жалею!

Эстетика самоубийства

Есть темы, которые считаются сложными. На мой взгляд, они не сложнее других, просто по ним человечество ещё не выработало генеральной линии.

Одна из таких – тема самоубийств. Она, с одной стороны, связана со смертью – а смерть в нашем обществе явление табуированное, её как бы нет. Раньше не было секса, теперь смерти... А ещё религия здесь сказала своё веское слово. При том что историю культуры и религии у нас все знают слабо, но все почему-то в курсе, что именно самоубийство религия не рекомендует! Мне, честно говоря, кажется, что многие из всей религии только и знают, что надо креститься и не надо убивать себя!

Меня в этом смысле жизнь с разных сторон пробует на прочность: а вот так посмотри, а вот ещё с этого ракурса... Начиная с кейсов из классической литературы и теорий и заканчивая историей семьи – с дальних родственников и до самого что ни на есть ближнего.

Началось всё с Островского и его «Грозы». Там несчастная Катерина терпела конкретный абьюз! Не могу понять, насколько полезно знание подобной литературной классики современным девчонкам (хотя, надеюсь, что «Грозы» давно уже нет в школьной программе)! Девушку, конечно, жаль, и её добровольный уход в финале был для меня концовкой столь красивой, столь же и единственно возможной. Потому что менеджерский подход – разворошить и возглавить это осиное гнездо, как сделала бы я, – вряд ли был бы ей органичен! И моя любимая формула семейной жизни «любовь к теще измеряется километрами», где вместо тещи подставляем свекровь, ей бы тоже вряд ли подошла. Хотя зря, по себе знаю, – это работает!

Ещё тем своим школьным умом я оценила её поступок и присвоила ему ранг геройства и смелости. А также свободы, независимости, красоты... короче, весь список возможных достоинств! Произошла романтизация самоубийства, которая нередко находила подпитку – в той же литературной классике.

А потом мне попала книжка. Она называлась «Эстетика самоубийства». На обложке был нарисован человек, цвет лица которого был в любимой мной сине-зелёной гамме – в общем, неживой. А в самой книге – с разбивкой по главам – было подробно описано, какой способ покончить с жизнью выбирают люди и почему. Главный лейтмотив – что понятно из названия: люди предпочитают те способы, которые мини-

мально повреждают их лицо и тело. Иначе говоря, из вариантов выбраться с балкона, выстрелить себе в висок или выпить таблеток последний – явно предпочтительнее.

Наверное, это похоже на некое извращенство, но я со вполне живым интересом, причём чисто умозрительно, гоняла эти мысли. Вплоть до осени 2001-го, когда столкнулась с этим уже не в теории.

Ружьё должно выстрелить

В доме конструктора по оружию должно быть ружьё. А если в вооружении работали двое – отец и сын, то ружьё может быть не одно. И по законам сценарного жанра – ну вы меня понимаете...

Мой дядя родился в семье конструктора по оружию, и этому же сам учил студентов, и да – в доме было два ружья.

Дядя знал всё обо всём, а не только о вооружении, – в том числе и о здоровье. Я всегда считала – здоровье такая штука: меньше знаешь – лучше спишь! Но это был точно не его случай. Он 24 часа в сутки прислушивался – как бьётся сердце, мерил давление, считал пульс. Его разум, способный охватить многое – почти бесконечность, – в те годы уже был обращён внутрь него самого – анализировал, рефлексировал, гонял мысли и переживания.

Ему тогда сделали операцию и временно вставили катетер. Эта физиологическая приставка буквально добила

его! Он, всегда мачо, супермужчина, вдруг ощутил какую-то свою неполноценность и неактуальность. А потом, когда его привезли из больницы домой, он начал перечитывать свои лекции и вдруг понял, что многое забыл. Может быть, сказана анестезия при операции, а может быть, просто не надо было так торопить себя – всё бы вспомнилось и восстановилось, если бы он дал себе время...

Всё чаще и чаще он стал задумываться и рассуждать о смысле жизни. Депрессивные настроения накрывали его. В такие моменты прошлое казалось ему незначительным, а часто – вообще бессмысленным.

Мои родители – они были с ним ровесниками – часто говорили с ним. Отец называл это «душеспасительными беседами». Я постоянно возвращаюсь к этой мысли: если человек на грани – можно ли правильными словами, сказанными в нужный момент, что-то изменить, повернуть вспять его нежелание жить?

В тот день я была на работе. Позвонил муж и сказал, что мой дядя выстрелил себе в голову. Естественно – попал.

Последние дни с ним всё время сидела жена. А тут она, как назло, на час отскочила на работу – надо было отнести какие-то документы. Не могла предположить, что пуля была наготове, как и желание распрощаться с жизнью.

Я вспоминаю эти дни как в тумане. Помню, как вошла в его сталинку с лепниной и высоченными потолками – эталон элитности и успешности с самого моего детства. Помню

обескураженную вдову, сына, который не понял его поступка и не считал необходимым это скрывать. Помню всю молчаливую подоплёку этих траурных приготовлений, которая резанула меня. Потому что, когда человек умер от болезни или естественной смертью, – вокруг всегда светлая атмосфера жалости и сочувствия. А когда вот так – то контекст двойственный. К жалости примешивалось осуждение и брезгливо-презрительные нотки – это было прямо разлито в воздухе. На стене были капли крови – их потом кто-то стёр. А выщерблины от выстрела так и остались.

Я сидела в зале закрытого гроба и вспоминала. Всё моё детство было пронизано этим человеком и этой квартирой, в которой его уже не было. В памяти всплывали поздравление Буратино, как он обещал стать человеком-невидимкой, как на его свадьбе я разбила фарфоровую статуэтку – решила проверить, бьётся она или нет, – в этой самой комнате. Тогда мне было лет пять... Потом как он не принял ни первого, ни второго моего мужа – ревновал меня, как отец...

Его вдова – моя тётя – спросила, о чём я думаю. Много о чём – долго было рассказывать...

До похорон оставался ещё час, и мы решили с отцом пройтись. Мы ходили вокруг этого дома, в подъезд которого я входила много сотен раз. Говорили о дяде, о его жизни, о том – можно ли было предотвратить этот выстрел... Кто же теперь скажет?.. Буквально три месяца прошло с похорон Пашки (об этом речь пойдёт дальше) – мы ещё не до конца

оправились после тех событий. Помню – отец тогда сказал: «Некоторые думают, что самоубийство – признак силы, а я считаю – это признак крайней слабости».

«Наверное, он прав», – подумала я...

Пасха атеиста

Я из не совсем обычной семьи – мой папа преподавал философию... В те редкие дни, когда он выпивал рюмку-другую (а было это два-три раза в год), выражение его лица становилось благостным, рот расплывался в улыбке. И он мне рассказывал про Канта, Гегеля, Шопенгауэра... Я знаю философию именно из этих рассказов!

Особенно мне зашёл субъективный идеализм. Он о том, что мир вокруг нас – наша иллюзия, плод воображения... В эпоху марксизма-ленинизма и жёсткого материализма это звучало оригинально, а пооригинальничать я любила...

Вспомнилось об этом на Пасху. А Пасха – праздник религиозный.

Религиозные праздники для нас были наполнены особыми традициями.

Поздравления с ними конкретно заставляли нас врасплох! Когда мы слышали «Христос воскрес», мы начинали хватать ртом воздух. Иногда выдавливали из себя что-то типа «По всей видимости, да, воскрес» или «и Вас с праздником».

Пасха была единственным днём, когда мы не ели творог.

Мой отец, прокачанный во всех теориях, ни разу в жизни не открывал Библию – даже из любопытства. Считал всё это «сказочками»... Аналогичная история с Кораном и Торой.

Мы смотрели на церкви исключительно как на памятники архитектуры.

Внутри я попала впервые в 24 года, когда крестили мою дочь – инициатива родителей мужа. Вышла неувязочка – мне как матери тоже надо быть крещёной, иначе банкет не состоится! А так как я человек слова, то не могла отменить организованное мероприятие, пришлось пройти обряд экспресс-крещения...

Ходят семейные легенды, что бабушки окрестили моего брата тайком от отца. Так ли это – история умалчивает: обеих бабушек уже нет в живых...

А в прошлом году тётя по доброте душевной отправила моему брату гифку с рождественским поздравлением. И вот что получила в ответ: «Если бы человечество отмечало день рождения Ньютона или Галилея, то я бы поддержал, ибо они точно существовали и принесли в мир много полезного. Некоторым из них и мучениками довелось побывать».

В этом году ему получить поздравление, видимо, не посчастливится.

Нет, мы не были агрессивными атеистами. Просто считали, что рулим сами своей судьбой. И вверять её другим, в том числе высшим силам, – слив ответственности.

Я и сейчас так считаю.

Роль швейной машинки в истории

Дружба моей семьи и со швейной машинкой началась с бодипозитива.

Я в детстве была пышкой (точнее пышкой в кубе). С одеждой тогда вообще был напряг, особенно эстетический... С моей самооценкой тоже. Моей маме ничего не оставалось делать, как научиться шить!

Она вообще была женщина со вкусом и «прокачанная» во всех видах искусств! Поэтому шитьё зашло ей «на ура». Одевала меня, а потом и всю семью, «с иголки», насколько это было возможно в те времена. Она была всерьёз увлечена этой темой – каждую свободную минуту листала журналы мод и рисовала фасоны. Так что у меня не было шансов не «залипнуть» на этой теме!

В то время когда подружки резались в классики, я раза три в неделю ходила на курсы кройки и шитья – кстати, самые крутые в Туле! Подружки, конечно, крутили у виска, но я своё дело знала туго!

Помню, мы там шили половинки вещей – отработывали технологию. Мне уже не терпелось сотворить что-нибудь серьёзное, и вот понеслось!

Флешбэки из детства

Папа режет хлеб – на срезе иголка! Опасно, кстати...

Засиделась за шитьём до поздней ночи, усталая легла спать. Утром оказывается: спала на россыпи швейных булавок!

Потом появилась Virda – она была только в читальном зале районной библиотеки. Библиотекарь давала мне журнал на ночь – я снимала выкройки своего размера и к открытию возвращала.

Вы помните моду тех времён? Напомню – эстрадные костюмы Лаймы Вайкуле. Невероятные баски, рукава вдвое шире плеч, супермини... В моём исполнении всё это было не с женственно-эротичным подтекстом, а исключительно «из любви к чистому искусству»! Шила из шторного го-белена, обивочного шёлка – кто помнит то время, тот поймёт – отрез ткани как валюта...

А когда выбирала вуз, моделирование одежды даже не рассматривала. Сама не пойму почему... Не уверена даже, что была тогда такая специальность... Да и есть у нас такой стереотип: работу выбираем из двух опций: работы мамы и работы папы. А так как папина работа – преподаватель философии – занимала вдвое меньше времени, то я сначала попробовала сходить по его стопам. Но позорно не добрала баллов – виноват английский, вернее английский в моём исполнении...

Пришлось на ходу переобуваться в работу мамы – инженера...

В ту эпоху до ЕГЭ тому, кто поступает в главные вузы

страны (их был примерно десяток), давали фору. Экзамен в МГУ был в июле, а в августе я уже поступала в тульский политех.

В итоге пришлось закончить ракетостроение. Проектировала корпуса ракет – после этого построить любую выкройку мне было раз плюнуть!

Плавно переходим к следующему поколению. Говорят, на детях природа порой отдыхает. В плане шитья – точно наш случай! Вроде поступила Влада в итальянский Марангони на дизайн одежды. Вроде чувствует тренды на пяток лет вперёд. Вроде я ни одной шмотки не могу без совета с ней купить! Но с шитьём – полный провал! Помню, как я ползала на коленках по полу её квартирки в Милане – помогала строить выкройки. Вы думаете, помогло? К сожалению, нет...

Рассказывает она мне такой эпизод. У них на курсе урок шитья. Стоит ли говорить, что будущему дизайнеру одежды всё же стоит шить или хотя бы представлять, что за зверь – швейная машинка! И вот бригада славных девчонок и парней (последние – все до одного нетрадиционной ориентации – профессиональный стандарт) сидят и строчат. И среди них Влада, что непривычно и уже вызывает у меня тревогу... Они шьют простую юбку-карандаш: четыре выточки – три строчки. Особые виртуозы в шитье, кстати, китайцы – их половина группы.

Влада подносит свою вещь к преподавателю и осторожно

спрашивает:

– Так?

Преподаватель неожиданно разражается восторгами, столь громкими, столь же и подозрительными: *brava, bellissima...* Ему вторят китайцы – их дружные голоса сливаются в мощный гул!

Оказывается, это первый случай на факультете, когда выпускник дизайна одежды пришивает спинку к спинке – не может справиться с обычной прямой юбкой...

И в связи с этим у меня вопрос: по какой системе всё передаётся по наследству? И есть ли эта система?

Вот способность к шитью точно не передаётся – проверено!

Железная рука в бархатной перчатке

Когда слышу «железная рука в бархатной перчатке», то сразу вспоминаю маму. Такого суперконцентрата женственности и железной силы не встречала больше ни у кого.

Здоровье у неё, казалось, было железное. Когда ей было уже лет 70, я пару раз задним числом узнавала, что неделю назад было у неё какое-то недомогание. Но чтобы вот прямо сейчас – такого не слышала ни разу...

А потом мама заболела. Всё началось со странного зуда. Сначала, по семейной традиции, она думала, что рассосётся – не заморачивалась сама и не говорила нам.

Это мамины фото. Тогда мало фотографировались...

Потом попросила посмотреть в интернете, стала что-то предпринимать – не помогло... Я стала ездить с ней по врачам, но они разводили руками – не могли ничего объяснить.

Она по своей сути была победителем – рулила своей жизнью, внутри неё всегда разгорались сражения и рождались вызовы. А в тот момент почувствовала: этот вызов ей не по зубам!

И она сдалась. Сказала мне: «Хочу серьёзно с тобой поговорить». Надо сказать, такая подводка ничего хорошего не предвещала. Но делать нечего...

«Я прожила длинную, красивую и счастливую жизнь, – сказала мама, – не хочу смазывать концовку. Сделайте что-нибудь». Я не готова была к этому разговору, стала плести что-то банальное типа «всё будет нормально, давай сходим вот ещё к этому врачу и попробуем вот это лекарство».

В один из вечеров мне было особенно тревожно. Мы с братом как раз привезли маму из больницы и собрались уходить. Было желание прошерстить весь дом – убрать все острые предметы, заколотить балкон, выбросить все таблетки...

Мы долго говорили с братом об этом. Пришли к тому – страшно сказать, – что если она что-то решит, то мы не должны отбирать у неё эту возможность. Тяжёлое, но, на мой взгляд, правильное решение... И мы разошлись по домам.

В 9 утра у меня с мамой был плановый созвон – уже несколько лет это вошло в привычный ритуал. А к 10 я должна была ехать к крутому тульскому врачу с кипой анализов и врачебных заключений в надежде, что хоть та разберётся – что это за болезнь и что с ней делать. Потому что подозревали онкологию, но подтвердить никто не мог.

В 9 мама не позвонила. Я стала набирать сама – нет ответа. И мы с братом поехали к ней.

Картина была устрашающей в своём порядке и красоте. Квартира была идеально убрана. Мама лежала на диване – она была бледная, как и положено мёртвым людям. В остальном ничего не изменилось. Халат был отглажен, волосы аккуратно уложены, глаза украшали ровные стрелки. На тумбочке – стакан с водой и россыпь таблеток. На вешалке – чёрный идеально отутюженный брючный костюм с кружевными рукавами, под ним – чёрные шпильки, рядом чёрный кружевной платок. В жизни мама не носила чёрный – он ей не очень шёл. Это был новый костюм.

На столе лежал её паспорт, деньги на похороны и две записки, написанные её рукой. Одна – официальным органам – что добровольно ушла из жизни. И вторая – нам всем – что нас очень любит и довольна своей жизнью. И что конец её тоже вполне устраивает.

Мы были в шоке. Даже держа в уме такой возможный исход, мы в глубине души не считали его реальным. А вот теперь она лежит перед нами – наша мама – всё, как всегда, ре-

шила – за себя и за других, всё предусмотрела и свела к минимуму наши заботы – тоже как всегда.

Мы поняли её поступок. Более того – посчитали его естественным и даже правильным. Странно, но никто из нас не применил к нему слово «суицид». И даже по прошествии трёх лет мне кажется – случилось всё как надо, по-другому и быть не могло!

Да, меня опять догнала эта тема – самоубийство. Круг замкнулся. Я опять, как в детстве, считаю – это сильный поступок! По крайней мере, в случае с моей мамой... Железная рука в бархатной перчатке, которая сама нанесла себе смертельный удар!

Глава 2. Ляпы красоты

Седина – это позор!

Лень – двигатель прогресса – это про меня! Точнее: лень – необходимое, но недостаточное условие прогресса. В этом конкретном случае произошло именно так!

Я стала седеть – не раньше и не позже, чем остальные, – и это нормально! Ненормально то, что мне вполне нравилась моя седина. Платиновый блонд – мечта времён моей юности, я никогда не красила волосы, и тут всё случилось само собой!

Но мои восторги мало кто разделял!

Хотя восторгами это сложно было назвать – если честно, то, что у меня на голове, никогда не устраивало меня! В моих мечтах у меня должна быть роскошная шевелюра до пояса, уложенная в причёску из фильма «Анжелика – маркиза ангелов» – такую носила моя мама. А, как говорят, та часть тела, от которой человек не в восторге, не удостоивается его внимания. Поэтому мои волосы не знают фена, утюжков и прочих благ цивилизации, не говоря уж о краске. А в мою единственную беременность с волосами вообще случилась беда – они посыпались. Потом узнала, что не у меня одной так... Но тогда я восприняла это как катастрофу и личную трагедию – после этого боялась до них даже дотронуться... Поэтому мой уход за волосами сводился к нехитрым манипуляциям: вымыл голову (без всякого кондиционера) и лёг спать,

а утром встал, расчесался и помчался на работу.

Но волосы ещё имеют обыкновение расти! На этот случай у меня всегда стоял наготове муж с кухонными ножницами. Хотя «всегда» – громко сказано. Одного раза в полгода было вполне достаточно. Он сначала проверял свою работу по линейке, а потом уже резал на глаз.

Моё беспечное отношение к собственной причёске, а также помывке, укладке и прочим священнодействиям с волосами и так воспринималось странно, а тут ещё седина! Нападки подруг не заставили себя ждать и по мере увеличения количества седых волос становились всё настойчивее.

– Ты выглядишь неухоженно!

– Тебе не стыдно – публичный человек, на сцену выходишь?

Я тогда часто заседала в жюри разных конкурсов дизайна одежды и красоты.

– Ты вроде красивая женщина, а голова у тебя безобразная – просто стыд какой-то...

Как я не сломалась? Скорее всего, потому, что мне, по сути, не очень важно быть красивой. Гораздо больше удовольствия доставляет покреативить с одеждой. Одеться так, чтобы половина хлопала в ладоши, а половина крутила у виска – типа что, так можно было?

И ещё дочка. Она сказала: «Краситься будешь через мой труп!» Она – художник, она так видела... Я решила прислушаться – в таких вопросах она чаще всего оказывается пра-

ва...

А потом у меня начали спрашивать номер и марку краски, которую я применяю. Сначала я восприняла это как издевательство, потом озадачилась... А в какой-то момент открыла Pinterest – там половина причёсок такого цвета волос! Несколько лет назад эта мода вышла в массы – улицу наводнили 20-летние платиновые блондинки. Они же смотрели на меня с рекламных плакатов! Это была практически полная имитация моей седины. И я поняла, что неожиданно оказалась в тренде!

Мне кажется, вся эта история началась с Миранды Пристли – году в 2006-м. Тогда вышел знаковый фильм «Дьявол носит Prada», и цвет волос героини – главреда fashion-издания – был шоком для публики. И прорывом для Голливуда! «В реальной жизни ни одна женщина, достойная своих туфель Manolo Blahnik, не позволила бы себе ходить седой!» – негодовали некоторые комментаторы в сети.

Теперь всё чаще самые уважаемые марки рекламируют одежду на седых возрастных моделях.

В российскую жизнь этот тренд входит сложно. У нас седина пока воспринимается как позор – на краску денег не хватило... Это, кстати, подтверждено исследованиями и опросами.

В лифте женщина сказала: «Мне так нравится Ваш цвет волос! Мне даже в голову не пришло, что можно вообще не закрашивать седину!»

И немного о мужчинах

Мужчина может с ходу заинтересовать меня как мужчина в двух случаях:

1. Если у него рост 1,85.
2. Если у него рост 1,86.

Вы будете смеяться, но да – у меня такие «косые» взаимоотношения с мужским ростом, при том что во мне всего 1,62. Но правильно считать +12 см с каблуками.

Рост в этом узком диапазоне был зафиксирован у обоих моих мужей, а также у всех молодых людей, с которыми у меня хотя бы намечались «особые отношения».

Когда я познакомилась со своим вторым мужем, на вопрос родителей: «Какого он роста?» – я ответила: «Такого, как я». Мужчин на четверть метра выше себя я воспринимаю как одного со мной роста – такая вот мания величия!

Сейчас одни подумают, что я дискриминирую всех, кто ниже 185 см. А другие спросят: а как же мозги и душа, рост же не главное? И после этих слов я сразу стану для них «недалёкой блондинкой». Точнее, «недалёкой и невысокой блондинкой»...#

К чему я веду? Мы часто путаем личные вкусы с нашим общим отношением к человеку и с «социальной позицией».

Отличный пример: мой красавец-друг любит исключительно аппетитных женщин. И, представьте себе, находят-

ся «добрые люди», которые советуют его женщине похудеть, цитирую: «...чтобы муж к модели не убежал». Забавно, но среди советчиков и её толстушка-мама!

Есть и тот, кто ценит исключительно высоких и худых – рискует, кстати, схлопотать ярлык примитивного «ценителя моделей»! А то, что у его жены концептуальный греческий нос, от которого он тоже без ума, – остаётся за кадром.

Короче, я к тому, что мы все имеем право на «вкусовщину». И в этой самой «вкусовщине» мы можем быть как очень бодипозитивными, так в чём-то странными и консервативными.

Считаю ли я моё отношение к мужскому росту забздыконом? Конечно! Я же адекватный человек! Вот и родилось определение адекватности – умение обнаружить и принять свои забздыконы!#

Кстати, я тут поняла, что свою «вкусовщину» лучше всего оставлять при себе – по крайней мере, не передавать по наследству! А то сложно было бы моей дочери с ростом за 1,70 с моими забздыконами... Но она сохранила право сформировать свои.

Что советую – и себе, и другим – это учитывать свои забздыконы. Потому что они – и есть мы! И очень надеюсь, что каждый из нас встретит мужчину и женщину по своему – даже очень странному – вкусу!

Красота – понятие относительное

Мужчины в Италии, конечно, ярче, чем в России. Мы в принципе не привыкли, что мужчина должен быть стильным. Я про нормального мужчину – не принца крови и не модного дизайнера сомнительной ориентации. Хотя сомнения здесь нулевые – ориентация вполне определённая. Дочь училась в миланском институте моды – полгруппы были мальчиками. Как-то зашёл разговор об их ориентации. Она сказала: «Думали, что один – натурал, но оказалось и он...» Есть у этого свои причины, но это уже другая история...

Должна признаться, что даже я, которая на fashion-выставках провела немалый кусок жизни, поначалу пугалась яркости итальянских мужчин! А женщины без «профдеформации» поначалу встают в ступор! Одна на моих глазах, впервые увидев одетого во все цвета пантона итальянца, непроизвольно выдала «петух гамбургский». Хотя житель немецкого Гамбурга не то что так не выглядит – сам бы от такого вида мужчины поперхнулся!

Им, конечно, хорошо – когда с рождения перед глазами и под ногами великие творения! Просто нет шансов неправильно сочетать формы и цвета... Да и природа у них далеко не такая угрюмо-пастельная, как у нас... На этом фоне светло-розовая рубаха, сиреневый джемпер, тёмно-зелёные брюки-дудочки и на шее – кусок костюмной шерсти с родной кромкой даже самого невообразимого оттенка смотрят-

ся весьма органично!

Не раз слышала: самая красивая пара – итальянец и русская! В Италии считают наших женщин очень красивыми. А наших мужчин – очень не очень. И осуждают, что они не заботятся о своей физической форме и стиле. В общем, итальянец и русская достойны друг друга, а их пары – в сад (это мнение многих итальянцев).

Но опять же – у соседа трава всегда зеленее! То, что мы ценим в итальянских женщинах – густые волнистые волосы, смуглую кожу – многие из них (не скажу, что все) готовы без колебаний отдать за прямые волосы, которые я неуважительно называю палками или соломой! Помню как-то в Италии – для создания объёмной шевелюры наплела на ночь мелких косичек, утром распустила – получилась блонд-версия Анджели Дэвис. Приезжаю на фабрику в окрестностях Милана – владелец спрашивает: «Что это с тобой?» «Новая причёска, говорю! Нравится?» А он мне: «Чтобы иметь такие прямые волосы, как у тебя от природы, обе мои дочери каждое утро тратят по полтора часа». Вот и выбирайте...

В общем, красота – понятие относительное! И, может быть, будем ценить свою – хотя бы так, как её ценят другие?

Мои пластические операции

Вынуждена признаться в отсутствии отношений, как это ни прискорбно...

Я имею в виду отношения с косметологом.

Хотя последнее время мне не раз прилетало, что я жертва каких-то уколов и чуть ли не пластики. Вроде бы так можно понять по моим фото.

А на самом деле ситуация выглядит так:

1. Я настолько «тёмная» в теме косметологии, что не знаю не только что куда колоть и не дай бог отрезать, а даже из какой баночки намазать...

2. Когда мне сказали о следах «ботокса» на моих фото, я поняла, что неправильно ставлю в этом слове ударение. Учитывая моё трепетное отношение к русскому языку – недопустимый промах... Тем более сердцем чувствую: чтобы хотя бы оправдаться, придётся употреблять это слово теперь не раз... Более того – когда я со свойственным мне занудством стала выспрашивать механизм действия этого самого ботокса, то выяснилось: мои представления о нём не имеют ничего общего с реальностью! Я думала – вкололи, увеличили объём, и морщина расправилась. Оказалось – не так. Не разобралась ещё, как именно, – обязательно разберусь!

3. Когда я спросила подругу: «Вот вы все ходите к разным косметологам – а что вы там делаете? Может быть, мне тоже надо?», она ответила: «Сначала приучись мазать лицо кремом не раз в неделю, когда вспомнишь, а регулярно – тогда и поговорим про косметологов».

С другой стороны, извлекать из недостатков выигрыш – моя тема. Нетронутость моего лица в плане косметологии делало его идеальным тестовым полигоном: что работает – а от чего нет эффекта, на что стоит потратиться – а на чём лучше сэкономить.

И я начала врубаться. Но без экстрима – от одного вида шприца у меня коленки подкашиваются, не говоря о ноже (даже кухонном). Не то чтобы я «идеологически» против косметологии – просто было стрёмно, больно и некогда, да и не факт, что надо... Так как в моём случае задачка стояла нестандартная – не было особого желания выглядеть моложе!

Первое моё «врубание» произошло, когда я услышала знакомые слова «face fitness» – от слова fitness на душе сразу потеплело – вспомнила свои занятия фитнесом лет 20 назад! Купила курс за 999 рублей, и понеслось!

Понимаю тех, кто впервые сел на диету: кажется, что отказ от третьего куска торта сделает талию в одночасье осинной, а живот намертво приклеит к спине! Вот и у меня так: не было никаких сомнений, что первое упражнение от вто-

рого подбородка меня от него и избавит – прямо к вечеру того же дня!

Бедные мои родственники! Они по моей просьбе искали 10 изменений и даже находили! Потому что на моём лице, как на табло с бегущей строкой, было толстыми буквами написано: «Ну что тебе, жалко сказать, что теперь моё лицо идеально – не зря же я старалась!»

Купить что ли какую-нибудь дорогую баночку крема с надписью «anti age»?

С другой стороны, жалко близких – ежедневный опрос после каждого намазывания они вряд ли выдержат...

Все мы – немного модели!

Последние дни на глаза часто попадают фото предков – своих и друзей... Попадают на видных местах – я не любитель рыться в семейных альбомах.

Глаз выхватывает женщин и оценивает их внешность. Лица родных людей привлекательны какой-то жизнеутверждающей советской правильностью! Но это не та красота, на которую мы ориентируемся сегодня. И, положив руку на сердце, давайте признаем: по сравнению с ними каждая из нас немного модель – даже в свои 50+!

Наверняка есть исключения, но общая картинка такова. Это при том, что мы по-прежнему вечно недовольны своей фигурой! Корим себя: никак руки не дойдут всерьёз до сво-

его гардероба или ноги не дойдут до косметолога...

Как так случилось? Вот моя версия.

Тот информационный «рассол», в котором мы неминуемо «просаливаемся» (хоть и ворчим на навязчивые СМИ за это), делает свою работу! Информация по стилю, цветотипы, «10 must have сезона», «ТОП 10 удачных луков»... – оседает в подсознании и помогает делать правильный выбор: что купить, с чем сочетать... Этот процесс происходит для нас «за кадром». Результат – та самая насмотренность!

В разы поднялся уровень нормы! Думаю, многие из нас помнят свой шок: смотришь (уже сейчас) старый фильм – и у актрисы, которую считала идеалом красоты, обнаруживаешь, например, целлюлит или ушки на бёдрах... Мы подрастили планку и следуем ей, сами того не замечая!

Подтягивают ещё «любимые» соцсети, особенно самая «визуальная» – Инстаграм! Чтобы соответствовать моменту, мы неминуемо учимся отлично смотреться перед камерой, позировать, искать удачные ракурсы и выигрышные нюансы лица. Этот процесс бонусом также включает много чего интересного: причесаться – накраситься – одеться – высокохудожественно разложить предметку... И чтобы за всем этим читался смысл! Нелёгкая режиссерская задача, сами знаете...

А после появления сторис съёмкой стала вся жизнь, причём не «глянцевая», а реальная. А мы стали операторами, драматургами, сценаристами и актёрами в одном лице! И теперь круглые сутки «держим спину».

И, сколько бы я ни ворчала, признаюсь: лично мне это нравится!

Первая и последняя короткая стрижка

Перебираю старые фотографии, натываюсь на одну и думаю: как же меня угораздило? В здравом ли уме и твёрдой памяти?...

Всё дело в том, что года в 22 я решила подстричься.... Не могу сказать, что я любитель постоянно что-то менять – но время тогда способствовало! Потихоньку стал раздвигаться железный занавес, мы заглянули за него и увидели

много чего красивого и необычного. Частью всего этого были девушки с обложки, многие из которых носили короткие стрижки. Особенно необычно это смотрелось на зарубежных дивах, но Анне Веске, Ирина Понаровская и прочее российское мейнстримное – закрепляли картинку!

Вертела-крутила я эту идею в голове и настолько прониклась, что решила подарить её мужу. К тому времени я уже знала, что у мужчин какое-то своё отношение к женской шевелюре! Они, сами того не понимая, наделяют её многими достоинствами и даже магическим смыслом! К примеру, когда мама как-то решила постричь свои шикарные, почти до пояса, локоны, папа на это ответил: «Не вздумай – это единственная прелесть, которая от тебя осталась!» Помню, мама тогда зыркнула так, что он поперхнулся и долго потом оправдывался... Потому что это была ни разу не ирония – просто ляпнул не подумав! С философами такое тоже случается, хотя реже, чем с нормальными людьми!

Но если вопрос насчёт других прелестей был дискуссионный, то слово «прелесть» по отношению к своим волосам мама, судя по всему, запомнила – вопрос со стрижкой больше не вставал!

Моей шевелюре было до маминой как до неба – поэтому не жалко... И я пошла с картинками к мужу... Реакция была подобная отцовской. Но – не даром я Козерог – задуманное воплоти в жизнь, даже в случае жесточайшего сопротивления этой самой жизни! Иначе говоря, на ближайшую суббо-

ту была намечена процедура отсечения – я имею в виду моих волос.

Муж твёрдо решил сопровождать меня на этот эшафот. Скорее всего, в тайне надеялся, что по пути будет последний шанс повернуть процесс вспять.

И вот мы едем на автобусе в лучшую в городе парикмахерскую – а там всё занято. В советские времена со всем лучшим вообще была напряжёнка, тем более в субботу...

И мы направляемся через квартал – в другую. Там работала маникюршей мама моей подруги. Она меня не знала, а я заметила её краем глаза.

Я вхожу, муж отпускает меня – как от сердца отрывает! Сажусь в кресло, показываю журнальное фото – его самое ненавистное. Оглядываюсь на дверь – стоит там и смотрит на меня глазами мужа, провожающего жену в последний путь...

Потом я не помню. Потом ярко высвечивается момент, когда я смотрю в зеркало и вижу себя со стрижкой – и картинка мне в общем-то нравится.

А что же муж? Выхожу – он молчит. И не смотрит в мою сторону – даже головы не повернёт, – как будто меня нет!

Я, конечно, схватила его под руку, но он не смотрел на меня и молчал – сначала пока ехали до дома, потом весь этот вечер и так до следующего утра...

Когда на следующее утро я пришла в институт – девчонки окружили меня – оценки были противоречивые! А та по-

друга сказала, что, по рассказам мамы, в их парикмахерскую вчера приходила молодая пара. Пока жена стриглась, муж – здоровый парень – курил сигареты одну за одной и ходил как загнанный зверь в клетке – на психе и на нерве. И почему-то спросила, не Лёша ли это был...

Да, моя чувствительность к запахам оставляет желать... Человек ни разу не держал в руках сигарету – по крайней мере, при мне, а потом залпом выкурил полпачки – как я могла не учуять?

А если честно – по сути он оказался прав, хотя никогда уже не узнает об этом... Кто же знал, что, вступая на стезю женщины со стрижкой, я подписываюсь на ежедневную заморочку с волосами? Такой трюк, как «вымыла голову раз в неделю и легла спать, встала – причесалась и... красотка», со стрижкой не прокатывает!

Да, забыла сказать: это была моя первая и последняя короткая стрижка!

Глава 3. Ляпы семьи – сознательный возраст

20 сентября 1986г. Моя первая свадьба

Как меня снова взяли на слабó

История отношений с первым мужем была вроде бы банальная, а вроде бы странная – со стороны легче судить! Они начались не со знакомства, а с момента, когда мы стали «встречаться». В разные времена это называется разными словами (я не имею в виду непристойных терминов – лишь факт, когда он и она демонстрируют интерес друг к другу). Во времена наших родителей это называлось «кадриться» или «ходить». Кстати интересно – как говорят сейчас?

Мы учились в одной группе и не обратили особого внимания друг на друга при знакомстве.

Да, он попадал в мой диапазон роста для мужчин – него был 1,86. Одна знакомая сказала: «Чтобы ты заметила живое существо, оно должно сразить тебя неземным интеллектом или нереальной эстетикой». Так вот: он не сразил. Надеюсь, с тех пор в моих критериях что-то поменялось...

Я же слыла заумной, к тому же одевалась по меньшей мере странно – в мерки классной девчонки тех лет вряд ли вписывалась...

На тот момент он переживал расставание со своей девушкой. А вокруг меня вились два-три молодых человека, но это было за кадром нашего института.

Одна наша одногруппница была увлечена психологией

и помешана на психологических экспериментах. Вот такой один она решила провести в масштабах нашей группы (я узнала об этом спустя годы). Подошла ко мне и сказала: «А слабó тебе закадрить такого-то?» Я резонно спросила: «Зачем он мне?» На что получила ответ (кстати прямо в точку): «Слабó, вот и отмаз ищешь?» Мотивация на слабó – моя любимая мотивация! И я сказала, что не слабó.

Предполагаю, что её разговор с ним был примерно таким же. В любом случае в тот же день он уже провожал меня домой.

Я всегда витала в облаках – проза жизни подрезала мне крылья... А именно в тот день я получила от мамы задание купить картошки и ещё каких-то тяжёлых продуктов. Он выполнил всё это с максимальной готовностью и в лучшем виде донёс мне до дома. К слову, его заземлённость и практичность в бытовых вопросах для меня была прочной опорой – картошку и меня разделяли несколько этажей мироздания!

А его – одного из немногих – не смущало, что я слегка «не от мира сего». Даже – предполагаю – он чувствовал в этом ещё не понятную даже мне силу.

Тюбик с пастой как корневая проблема

Жениться на мне стало его идеей фикс.

Он сразу ринулся знакомиться с моими родственниками, представлять меня своим... Я со своей неземной отрешён-

ностью не совсем понимала, к чему идёт дело, тем более что прямого склонения и домогательства не было и в помине (только попробовал бы – до свадьбы ни-ни...). Мы начали встречаться в октябре, в конце декабря мне исполнилось 20, и после нового года он говорил о нашей будущей свадьбе как о факте уже решённом. Я, как зомби, не сопротивлялась. Тем более подразумевалось, что я вроде бы дала согласие (не помню этого момента) – манипуляция или нет, но это сработало!

Свадебное фото – у всех тогда они были одинаковые!

Он долго тащил меня в загс – наверное, пару месяцев. Предлагал даты – я ссылалась на занятость, когда назначил жёстко день – я неожиданно проспала, что мне в принципе было несвойственно. В общем, придумывала любые благовидные предлоги отложить... А когда он всё-таки меня туда дотащил, то свободные места в обозримом будущем были только на 13 мая. Он радостно согласился – я тоже не сопротивлялась.

Хорошо помню: мы, десятка два пар, забились в коридор загса и ждали своей очереди. Голос из динамика (не помню сейчас – в записи или живьём) рассказывал нам насчёт конфликтов в семейной жизни. Чётко словила идею: самый конфликтный вопрос – закрутил ли ты тюбик с зубной пастой!

Когда мы сообщили дату росписи моим родителям, мама сказала: «13-е, да ещё и мая – только через мой труп!» А в конце апреля случился Чернобыль – это был ещё один железобетонный аргумент не жениться. Вдруг будет ребёнок, а тут радиация... Неизвестно ещё, чем всё это закончится... А может быть, у родителей была надежда, что страсти улягутся и я вообще передумаю выходить замуж?

Так наше заявление в загс сгорело. И мой будущий муж начал второй приступ.

Следующая попытка далась ему чуть легче – мы подали заявление в июле. Тот же голос вещал нам про тюбик с пастой... Я утвердилась в предположении, что ванная комната –

это минное поле... И что семейная жизнь – не такая уж хитрая штука, если порешать проблему тюбика. Я была уверена – уж это-то я решу!

После загса мы поехали к моим родителям – они отдыхали на Оке. Мы констатировали им факт подачи заявления. Мой будущий муж уехал, а я осталась. Поплавала, походила по берегу, поиграла с братом... Было невыносимо скучно!

Через день я уехала домой – в Тулу. Но решила не объявляться моему жениху (кстати, сейчас это слово не в ходу – интересно почему?). Дней десять сидела дома и шила.

Сейчас понимаю: такое уединение от будущего мужа при поданном заявлении – тревожный звоночек! Нам же, по идее, жизнь вместе жить!

Неизбежная свадьба приближалась. Вернулись родители, нарастал ком забот... И уже тогда я подумала: а вдруг годы спустя я буду вспоминать эти дни до замужества как свободное беззаботное время – время, когда всё впереди, ничего не понятно и можно выбирать любую дорогу...

Баллистика

Ну и выбрала я себе специальность за семью печатями! «Режим секретности – это полный отстой», – думала я... Пока другие студенты вяло перелистывали свои конспекты под ласковым июньским солнышком, мы, хочешь не хочешь, должны были плестись в душный кампус и уже там – в чи-

тальном зале, не поднимая головы, штурмовать литературу с грифом «секретно»...

Танька, та самая любительница психологических экспериментов, которая свела меня с будущим мужем «на слабб», задвигала новую идею. Что отметки – не главное, что надо легче относиться к жизни и что досконально готовятся к экзаменам только унылые зануды, с которыми ей не по пути!

Не то что эта идея представлялась мне столь уж инновационной. Но соблазнительной – безусловно, особенно в тот момент! Погода была отличная, впереди маячила свадьба, что предполагало романтическое настроение и скорее долгие прогулки по парку, чем беспросветную зубрёжку! И я – каюсь – расслабилась, в общем, повелась!

Следующим экзаменом была баллистика. Скучный предмет по специальности, который, чтобы сдать, надо, как назло, учить, в отличие от философии или «сказок тётушки КПСС» – там я могла наплести с три короба без подготовки! В итоге ко дню экзамена в моей голове был полный ноль, а в зачётке – ни одной четвёрки, не говоря уж о более низких отметках!

Я вытащила билет и обречённо села на первую парту – в полуметре от преподавателя, и уставилась в потолок. Терять было нечего: когда в голове полный вакуум, содержание билета уже не имело особого значения...

Из оцепенения меня вывел голос будущего мужа. Он подошёл к преподавателю и задал ему какой-то наитупейший

вопрос. Я расстроилась ещё больше! Должна признаться: все те годы, которые мы были вместе, я была в постоянном напряжении: он ляпнет какую-то тупость! Причём виноватой в этой тупости почему-то я считала себя! Так и держала под контролем все нити разговоров – как бы чего не ляпнул (интересно – как он без меня с людьми общался?). И любая не очень умная вещь их его уст больно ранила меня!

Я снова погрузилась в свои нерадостные раздумья – перспектива выйти замуж за придурка не вдохновляла, а тут ещё этот экзамен...

Из второго моего оцепенения меня снова вывел его голос. На этот раз вопрос, обращённый к преподавателю, был ещё тупее, и мне было совершенно непонятно, зачем он снова встал и подошёл к нему? Чего проще – спросить с места?

Я опустила взгляд. Прямо передо мной лежат листок с подробным ответом на вопрос моего билета. Мозг лихорадочно соображал – пытался восстановить цепь событий.

Так, он встал первый раз – подсмотрел билет. Потом нашёл нужную шпаргалку и второй раз уже встал и положил её передо мной... Его дурацкие вопросы – это был всего лишь повод! Хотя мог бы придумать и поумнее...

Моя зачётка пополнилась ещё одной пятёркой. А мой жизненный опыт – парой интересных открытий:

– Люди иногда превосходят наши ожидания! И некоторые из этих людей прямо рядом с нами!

– Хватит вестись на чьи-то безумные идеи и слова! Пора

уже начинать жить своей головой!

Упреждающий удар

В тот момент о моём грядущем замужестве говорили как о факте решённом. Правда, не помню, когда это решение приняла лично я, но факт остаётся фактом...

Несмотря на это, мои родители не теряли надежды как-то развернуть эту ситуацию. Не сказать, чтобы им так уж активно не нравился мой будущий муж. Они просто хотели расширить мне поле вариантов! Например, предложили познакомить меня с внуком бабушкиной подруги. Предлагала мама, а она умела делать это так, что отказ не предполагался. И я подчинилась...

Это был 26-летний москвич с красиво звучащей по тем временам профессией – что-то типа архитектора. Он, естественно, попадал в мой райдер по мужскому росту, иначе не прошёл бы входной кастинг. Его приезд планировался в одно из воскресений. Я предупредила жениха, что буду занята в этот день, и стала ждать приезда московского гостя.

Ну что я вам хочу сказать – парень как парень... Но какой-то уж слишком правильный! И умный, что подтверждали вторичные признаки по версии популярного тогда фильма «В джазе только девушки» – очки.

К очкам я вообще отношусь так, как, наверное, и следует к ним относиться – как к костылям для глаз. Для меня по-

следнее дело носить нулёвку для имиджа (что спустя годы делал мой муж и находил ноль моего понимания). Так что эти окуляры не придавали в моих глазах какого-то высокоинтеллектуального флёра, скорее вызывали сочувствие.

А к уму в мужчинах я вообще отношусь интересно... Как раз в том возрасте я зачитывалась Ремарком. У меня была такая замечательная книжица, в которую выписывались достойные фразы. Так вот Ремарк занимал в ней бóльшую часть – на мой взгляд, по праву. Как-то в его «Чёрном обелиске» я прочла диалог, который подкинул ответы на многие мои вопросы. Вот он в моём вольном изложении:

– Что бы ты пожелал, если бы могло исполниться твоё любимое желание?

– Миллион долларов (или какая там у них была валюта...).

– Не ожидал от тебя – ты ведь такой идеалист!

– Да, я идеалист! Идеализм – это то, чего у меня в избытке! Чего мне действительно не хватает – это миллиона долларов!

То есть мы ищем в других то, чего нет в нас! А ума у меня самой – палата! Интуи́т, балагур, душа компании – вот кто меня реально может зацепить...

Мы гуляли с тем парнем, я всё больше понимала – не мой человек! У него масса достоинств, которые наверняка составят счастье какой-нибудь московской девушки, но, пожалуйста, – не на моём участке...

Дело было к вечеру, и он попросил проводить его на вокзал, откуда планировал отбыть в свою Москву.

Когда мы вошли в здание вокзала, по нам сложно было понять, что мы видимся в последний раз (что я решила окончательно пару часов назад). Мы выглядели как влюблённая парочка – я держала его под ручку, и мы мило щебетали. И тут в толпе я увидела знакомое лицо, и мой взгляд наткнулся на взгляд будущей свекрови! Она с ног до головы смерила взглядом нашу пару – в нём сквозило любопытство вперемешку с осуждением и недоумением: почему тот мужчина, которого я держу под руку, не её сын?

Скрываться было уже поздно, и я поздоровалась. Мой спутник тоже. Я тогда подумала: интеллигентный молодой человек, может быть, дать ему ещё шанс? А вдобавок подумала: да, это проблемка, надо что-то делать... И пока мы покупали билеты, пока я провожала его до платформы, пока махала ручкой в окно его уходящего вагона, ни о чём другом думать не могла.

«Ну вы мне подсуропили», – бросила я маме по приходе домой. Когда она врубилась в ситуацию, её посетила та же мысль, что и меня, – надо что-то делать! Но, в отличие от меня, она знала что.

«Лучший способ обороны – это нападение», – сказала мама и выдала нехитрый сценарий, которому я и последовала.

Набрала номер жениха, обрушила на него массу информации из разных областей, сдобренную моими эмоциями и впе-

чатлениями. Потом вскользь упомянула, что ко мне приезжали из Москвы друзья – подруга с мужем, и «Представляешь, какое замечательное совпадение – пока она стояла за билетами, мы с её мужем пошли смотреть расписание и столкнулись с твоей мамой!» Он сказал «ага», и я шлифовала это парой каких-то свежих новостей. Мы ещё немного поболтали и мило распрощались.

На следующий день в институте он был чернее тучи! Коротко охарактеризовать его посыл можно было словами «развод и девичья фамилия», а если вдаваться в детали – что он мне совсем не нужен, что я хожу с какими-то мужиками под ручку и всё в таком духе... Его мама сделала своё чёрное дело – что, в общем-то, было вполне ожидаемо.

«Ты что, меня совсем не слушаешь? Или ты бестолковый?» – спросила я и повторила свой вчерашний рассказ. Самое смешное, что в тот момент меня охватил праведный гнев: я тут старалась, разыгрывала сценарий, а у него в одно ухо влетело – в другое вылетело... Я искренне негодовала, и это негодование было честно написано на моём лице! Согласна со Станиславским: чтобы хорошо сыграть, надо прожить роль!

Обе перспективы – быть бестолковым (то есть не очень умным) и недостаточно внимательным к моим словам – его не вдохновляли. Потому что ослабляли шанс женитьбы на мне – я могла дать задний ход! Он подулся ещё минут десять – скорее для приличия, – и всё вернулось на круги своя.

Так я впервые испытала технику упреждающего удара. И поняла: это работает! Положила в свой волшебный ящик жизненных инструментов – пусть лежит в моём арсенале и ждёт следующего применения! И хорошо бы – пореже!

Лагерные традиции

Правду говорят – до меня много чего доходит с опозданием... Вот один из таких кейсов.

Начну издалека. Кому приходилось бывать в советских пионерлагерях, помнит: жизнь в них была полна ритуалов и традиций! Нормальный идеологический контур – в каждую эпоху он свой. Попробую провести аналогию того и сегодняшнего времени:

- Подъём знамени – замена фирменной айдентики.
- Звуки горна – пение корпоративного гимна.
- Утренняя линейка – производственная летучка (опять же с корпоративной символикой).

Но что тогда, что сейчас дело формальными ритуалами не ограничивалось. А здесь как раз и было всё разнообразнее! Чем можно заменить, например, обычай ночью мазать друзей зубной пастой?

Сейчас станет ясно, к чему это я. Но не будем забегать вперёд.

Я просыпаюсь утром – впрочем не самым ранним. Мне 20, и на этой неделе у меня свадьба. На лице чувствую что-то

инородное, и со всего маху утыкаюсь носом в подушку. При этом чувствую знакомый мятный запах – как будто я чищу зубы...

Просыпаюсь до конца, и тут до меня доходит: лицо в зубной пасте, подушка в зубной пасте – что за фигня?

Встаю, набрасываю халат и с грозным видом выхожу «в люди». Родители смотрят на мою побелённую физиономию с удивлением, но не их я ищу! Мне нужен брат – нетрудно угадать, что это его проделки!

Ему тогда было восемь, и он месяца полтора назад вернулся с первой смены в своём первом пионерлагере. Он у нас из молодых да ранних – пошёл в школу на год раньше и везде был окружён «большими ребятами». А «большие ребята» разве хорошему научат?

Он пытается увернуться, но я беру его за ухо и веду к отцу. Тот изрекает своё самое ужасное ругательство – в его исполнении это слово «паршивец». Но у него нет гнева – скорее он прячет улыбку...

Я попыталась взглянуть на ситуацию со стороны, хотя в тот момент мне это далось непросто... И увидела такую картинку – и вправду комичную! Девушка на выданье в халате поверх ночнушки с гневным видом и мордой, измазанной зубной пастой в самых лучших лагерных традициях...

Феминизм в отдельно взятой советской семье

То, что мой новоиспечённый муж решился жить с моими родителями, – это, конечно, был героизм! В момент заселения он насчёт этого был ещё не в курсе. Даже мне самой, честно говоря, сложно было много чего предвидеть – я жила «в своей коробочке», и мир за её пределами представлялся мне нереальным и спорным, если вообще в моём представлении существовал!

А с другой стороны – какие у него были варианты? Я заранее знала, что с его родителями я бы и суток не продержалась, и не ошиблась – рекорд впоследствии составил 23 часа!

Я вроде никогда не была идеальной дочкой – тем более женой, да и не претендовала на это. Но, по мнению родителей, включая бабушку, муж-то у меня, конечно, должен быть идеальным – в их понимании идеальности!

Рост совпадал – этот главный параметр я мониторила на входе. А вот с весом был некоторый перебор. Но это дело поправимое – если меньше кормить! Что и было решено сделать – еды накладывали строго ограничено, а добавки не предполагалось. Раз в неделю он вытаскивал меня к своим и там отъедался – благо готовила его мама виртуозно! А я осуждающе смотрела на него и думала: «Сложно, что ли, не есть?», потому что одним таким приёмом пищи он убивал усилия моих родителей за всю неделю, а их труд я привыкла ценить.

Никогда не думала, что у нас в семье высокосветские манеры! Но, как оказалось, повседневный быт предполагал сот-

ню реверансов между мужчиной и женщиной – почему-то в основном со стороны мужчины! Интересно, мой папа, когда пришёл жить к маме, знал об этих реверансах? Или, может быть прочёл какую-то тайную книжицу, где все они были описаны? Как бы то ни было, я не была свидетелем той притирки – ещё тогда не родилась. Но вот мой муж той волшебной книжицы точно не читал – за что и огребал по полной!

Когда мы с ним выходили из подъезда – как мне позже рассказывал брат, – вся семья стояла у окна и смотрела, соблюдены ли все церемонии?

Так, открыл перед ней дверь и придержал, пока она проходила, – первую ступень прошёл!

А почему он идёт на полшага впереди неё? Это что за угнетённые женщины Востока, которые покорно семят за деспотом мужем?

Мы удалялись за поворотом, а обсуждения не остывали до нашего возвращения. Потом всё это выливалось на меня как ушат помоев, и я маялась сомнениями: проглотить всё это (чего не хотелось) или переложить на новоиспечённого мужа? Выбирала, конечно, второе – у него уже скапливался солидный багаж несоответствий и провинностей. А когда он однажды мыл посуду и набрызгал воду вокруг себя и бабушка рассказала всё это мне, обзывая его медведем, неряхой и бескультурьем, то я решила разводиться.

Если родители отлучались хотя бы на работу, то бабушка вообще бдела круглосуточно. Она несла вахту с раннего утра

до позднего вечера – выявляла несоответствия, а потом делала всё это достоянием общественности.

К концу первого месяца мужу казалось, что он ходит по минному полю.

Его семья тоже давала мне пищу для размышлений. Вот где были «женщины Востока»: мать накрывала на стол, производила смену блюд, приносила из кухни недостающую ложку и вилку, если кто попросит, а потом убирала со стола и мыла посуду! Странное, на мой взгляд, распределение обязанностей – если ещё учитывать, что она же всё это и готовила...

Я начинала возмущаться этим непорядком уже по дороге домой – яростно, искренне и непримиримо! «Теперь у нас будет так, – говорила я, – ты весишь 100 кг, я 50 – значит, ты вдвое чаще моешь посуду!» Это было хоть какой-то компенсацией за неравноправие его матери – впрочем, компенсацией для меня весьма выгодной.

И ещё я терпеть не могла, когда я работаю, а он отдыхает! Чувствовала себя Золушкой, Козеттой и рабыней Изаурой в одном флаконе, а это были максимально неблизкие мне роли! Так что, если на меня сваливались домашние заботы, я считала своим долгом сразу его синхронно припахать. Потом он привык и сам искал себе дело – это было в разы дешевле, чем быть прожжённым моим недовольным взглядом!

Когда родился ребёнок, борьба за равноправие вспыхнула с новой силой. Я установила очерёдность вставания по но-

чам – пусть ребёнок хоть оборётся, но если это его очередь – я не встану! Двадцать с лишним лет спустя, когда я передавала этот опыт дочери (у неё тогда тоже родился ребёнок), она спросила: «А что, папа тоже мог кормить меня грудью?»

Потом я не раз слышала от подруг подобные истории. Менялись имена, даты, обстоятельства, но суть задачи была одна: на входе имеем двух людей, воспитанных в разных укладах, а на выходе должно получиться что-то в духе «и жили они в мире и согласии».

Интересно, эта задачка имеет какое-то не такое болезненное, как в моём кейсе, решение?

Смерть

Сегодня опять услышала: женщина должна развиваться, быть независимой, иметь своё дело в руках – чтобы в случае чего...

Сразу вспомнился мой «случай чего» – гибель первого мужа в мои (и его) 28 лет – событие, разделившее жизнь на «до» и «после».

Он был ревнивец, каких мало, – по официальной версии, на фоне неадекватной любви ко мне – и, скорее всего, это правда. Он выбрал интересную стратегию – делал всё, чтобы без него я почувствовала себя никем. Цель его была – «обложить меня флажками» на случай, чтобы не сбежала.

Мы учились в одной группе. На нашем ракетостроении девочки были вообще редкостью, и мальчики держались

за нас как «за грешную душу». В группе в итоге сложились четыре пары – с трех из них начинался журнал. Преподаватели читали журнал и шутили: у вас что, вся группа по парочкам? Мне до сих пор не понятно, как девушки тащат парней в загс – для меня норма была с точностью до наоборот.

Были лихие 90-е, он как-то удачно начал вписываться в бизнес и зарабатывать деньги. И ему стало сносить крышу – менял тачки, покупал дорогие часы...

И нанял мне наружное наблюдение.

В рабочее время я была под контролем (устроил меня работать к своему другу). А в нерабочее – какой-то персонаж (никогда не видела его лица) сёк за мной. Когда я останавливалась, к примеру, поболтать со знакомым, минуты через четыре материализовывался мой муж. В кожаном плаще по щиколотку и таинственных очках. Он носил нулёвку – для имиджа. Со словами «позвольте нарушить ваше уединение, я вынужден конфисковать свою супругу» он сажал меня в свою очередную машину и увозил домой.

По дороге мы молчали.

Это и хорошо – потому что разговоры последнее время сводились к одному. Какой он успешный и насколько я не ориентируюсь в новой реальности.

Я тогда жила в клетке. Она не была золотой, но дешёвого блеска и мишуры для меня в ней был явный передоз! Такое это было время – начало 90-х, – время малиновых пиджаков, золотых цепей в палец, лихой езды на крутых тачках –

не всегда в трезвом виде... И нелепых смертей. Время, когда деньги быстро зарабатывались и так же быстро спускались. И когда никто не знал – что там, впереди (как, впрочем, и сейчас)...

Однажды мы с дочерью (ей было пять лет) легли на сутки в больницу – вырезать ей аденоиды. Это была вторая больница в моей жизни (первая – роддом).

Он отвёз нас туда утром. А часов в 6 вечера приехал и привёз «гостинцы». Продуктов было – на пару недель. Я взяла их, еле дотащила до палаты и запихнула в тумбочку. А когда вернулась в больничный коридор – увидела только его удаляющуюся спину. Это был последний раз, когда я его видела. Тогда я ещё не знала об этом.

А на следующее утро за мной приехал не он. Мне сказали, что где-то на просёлочной дороге он тестировал свою очередную машину (собирался купить её у друга) и на скорости 230 км/ч врезался в дерево. Меня привезли домой и попросили приготовить, во что его одеть.

Я была настолько зла, что ответила: «Пусть сам разбирается!» Наверное, сработал механизм защиты...

Похороны

У меня есть принцип: из каждой жизненной «задницы» выйти с победой.

Я сразу поняла, что гибель мужа в 28 лет – та самая ситу-

ация! И у меня включился этот механизм (поняла это спустя годы). Он запустился почти сразу, как мне сообщили. И потом несколько лет работал без перерывов. И без сбоев.

На похоронах у меня была идеальная завивка, каблук – не 12, а 13,5 см и макияж – по полной! Благо плакать я не собиралась (слёзы – несвойственная мне реакция). На мой взгляд, выглядела я идеально, на взгляд других – отрешённо!

Самую большую пустоту я почувствовала в неожиданном для меня месте – не с кем было бороться! Вдруг поняла: наша жизнь последние несколько лет была непрерывной борьбой!

Картинка, которая рисовалась в моей жизни, и так была какая-то ненастоящая – в ней мало было самой меня! Мне, по сути, не нужны большие деньги, дорогие вещи, все эти понты, которые он назначил самоцелью! Самое интересное – всё это по итогу оказалось не слишком актуальным и для него самого. Если обобщённо мыслить, это и свело его, по сути, в могилу.

Как ножом резанула мысль: вот он, вечно пытавшийся казаться таким элегантным, пускавший пыль в глаза даже перед бабушками у подъезда, лежит здесь такой совсем не элегантный и не в форме. И любая такая бабушка по факту успешнее его.

Было много красивых речей – всегда знала им цену, а в этой ситуации правильные слова резали ухо ещё сильнее... Было много заверений в поддержке. Я отстранённо

слушала всё это. В голове крутилась мысль: наша женитьба, ребёнок... – всё это было только его идеей! Даже моё согласие выйти за него замуж он скорее всего придумал... Я часто порывалась развестись и знала твёрдо: он не денется никуда!

И слинять от меня вот таким неожиданным и необратимым образом! Я расценила это как высшую степень предательства! Наверное, это тоже была ступень защиты...

В тот день моя жизнь поменялась в корне. Я вдруг обнаружила, что могу теперь всё решать сама, но куда-то подевалась уверенность в этих своих решениях... А ещё – что квартира оформлена на него (опять эта дикая ревность – чтобы не сбежала). И что зарплаты полставки референта не хватало даже, чтобы заплатить коммуналку. А надо было ещё пятилетнего ребёнка накормить... Сейчас, по прошествии лет, могу сказать: это была *точка моего разворота*, она *определила мою судьбу*. Как сейчас говорят, положила начало саморазвитию: хочешь – не хочешь – трансформируйся!

«Да кака судьба-то! По пьянке закрутилось...»

Второй муж – Алексей – был другом претендента на мое сердце. Даже больше скажу – лучшим другом!

Пару раз я видела его фото. Он был поразительно похож на актёра Игоря Костолевского и имел эталонный для меня мужской рост – 1,85. То есть вписывался в мой узкий двухсантиметровый диапазон – правда снизу. Мужской рост я

определяю сходу с точностью до сантиметра по любым фото – это для меня ключевой показатель.

Когда мой знакомый сказал, что этот его друг почти 10 лет в разводе, у него две дочки от первого брака, моё воображение, подгрузив параметры его внешних данных, выдало клише: бросил семью, загулял... Я тоже подвержена стереотипам...

Позже я узнала, что всё было с точностью до наоборот – загуляла жена, и даже при этом он был готов сохранить семью, – но она настояла. Он тогда страшно похудел, курил по пять пачек в день – очень болезненно переживал разлуку с детьми, брал их на все выходные... Потом он даже сказал мне: «Хорошо, что мы с тобой познакомились, когда девчонки выросли!»

А началась история так: однажды вечером раздался звонок. Звонил кто-то – явно в подпитии. Представился Алексеем, попытался объяснить, кто он. Я в конце концов поняла. Помню, мы часа полтора болтали – точнее, болтал в основном он – всё время шутил. Было смешно и легко. Перед тем как попрощаться, сказал, что хочет встретиться со мной – есть о чём поговорить. И всё это с шутками-прибаутками. Я даже не поняла, это он серьёзно – о встрече, или так, для красного словца? Я на следующее утро на неделю уезжала в Москву – договорились, что он позвонит, когда вернусь.

Позже не раз и не пять, вспоминая и рассказывая друзьям историю нашего знакомства, он будет говорить фразой

из известного фильма: «Да какая судьба-то! По пьянке закрутилось...»

А когда я несколько лет спустя спрошу, зачем он тогда напился, ответит: «Да разве я трезвый решился бы тебе позвонить?»

В Москве я закружилась в делах и забыла о разговоре. Но он точно не забыл! В тот же день, когда я была опять в Туле, тот же голос, на этот раз уже трезвый, позвонил и напомнил о встрече – всё так же несерьёзно.

Эпатировать я любила всегда! Надела яркий сюртук, брюки-дудочки, а в руку взяла зонтик-трость. На которую опиралась при ходьбе – мне это казалось безумно стильным... Позже он не раз вспомнит мне этот сюртук, эту трость, эту стремительную походку... Перечисленное будет фигурировать под ёмким определением «понты» – вещь для него непонятная и нелюбимая, а в том контексте – ещё и безумно смешная! Годы спустя он сказал: «Я в первый вечер понял, что ты нормальный человек!» Ну хорошо, что хоть он понял – лично я воспринимала себя сложнее!

Мы долго гуляли по дорожкам парка. Я была уверена, что он будет меня журить – зачем бросила его друга, вернись и всё такое... Но нет – он дальше шутил!

Когда мы прощались с ним у моего подъезда, я прямо спросила: «А зачем ты меня звал?» Он опять отшутился...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.